

УДК 900 ББК Ш80

Иосиф Чарный – адвокат адвокатской палаты Пермского края.

Стаж адвокатской работы превышает 40 лет. Им проведено большое количество сложнейших уголовных, гражданских, арбитражных дел. Активная деятельность адвоката продолжается им и в настоящее время. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов России он награжден высшим адвокатским орденов «За верность адвокатскому долгу». По итогам работы за 1998 и 2008г.г. признавался лучшим адвокатом года.

Данная книга о том, как высочайший профессионализм и принципиальность адвоката в отстаивании прав и свобод граждан, явились причиной того, что адвокату пришлось отстаивать собственные честь и достоинство, когда соответствующие органы сделали всё, чтобы лишить его возможности заниматься адвокатской практикой.

ISBN 978-5-91252-024-2

АДВОКАТ против КГБ

События, которые будут изложены мною, произошли в период с 1984 по 1987 г.г. Читатель, логично соединив название произведения с данным периодом, сочтет, что речь пойдет о перестройке в нашей стране (тогда еще СССР) и борьбе с теми отголосками тоталитарной системы, которые еще были очень сильны. Ну, а адвокат - это один из тех, кто в те годы боролся с этими отголосками, был противником эпохи социализма.

Сразу разочарую читателя - в тот период времени о том, что началась перестройка люди (особенно в провинции) знали только из газет, журналов и телевизионных передач. Но, фактически, в их жизни ничего не изменилось. Так же был силен социализм, вся власть была у КПСС, все весьма побаивались соответствующих органов. И автор этих строк ни до этого периода, ни в этот период, борцом с тоталитарной системой не являлся и о том, что есть такие борцы мало что знал.

Но в моей жизни в самом деле был период, когда мне пришлось выдержать серьезную борьбу, где основным противником выступило КГБ. Самое странное (конечно, не для тех, кто знает методы работы этого органа) было то, что привести прямые доказательства участия КГБ в "нападении" на меня очень сложно, хотя, безусловно, это нападение имело место. Но каким же образом человек, воспитанный в духе социализма и коммунизма, сам член КПСС с солидным стажем, уважаемый и вполне прилично живущий адвокат сознательно пошел на обострение отношений с таким органом как КГБ, прекрасно понимая, что данное обострение может причинить ему серьезные неприятности?

Для этого необходимо сделать небольшое отступление ко всем периодам становления меня, адвоката Чарного И.Б., как человека, который пошел на обострение отношений с системой, существовавшей в то время, прекрасно понимая последствия этого обострения.

НАЧАЛО. НЕБОЛЬШОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Общеизвестно, что поведение человека в той или иной ситуации, особенно, когда происходит столкновение с существующей в стране системой, ее авангардом, зависит от того, чему этот человек научился в жизни. Что позволяет ему вести себя в конкретной ситуации именно так, а никак иначе.

Для понимания этого поведения явно необходимо обратиться к прожитой до указанных событий жизни, а поэтому следует немного рассказать о себе, чтобы было понятно такое, а не иное поведение в конкретной ситуации.

Я жил в небольшом белорусском городке Шклове Могилевской области. С того периода, как я себя помню, все время слышались слова о великом вожде, который всегда прав, справедлив, и всегда поступает правильно. Но однажды, вскоре после окончания войны я услышал, как мама говорила: "Борис всегда говорил, что Ленин сделал бы иначе".

Борис - это мой отец, который погиб на войне. А фраза, что Ленин сделал бы не так, относилась к сообщению по радио о каком-то начинании вождя. Я был поражен, как это может быть, ведь в моем понимании Сталин и Ленин это одно и тоже. Ведь Сталин - продолжатель дела Ленина. Позднее такие же мамины высказывания со ссылкой на мнение погибшего отца я слышал неоднократно. Но в моем понимании все эти высказывания с учетом моего возраста особо не отразились.

В эти же годы я столкнулся и с таким явлением, как антисемитизм. Этого я до определенного периода не понимал. Мой лучший друг - Витя Румянцев - русский.

Одноклассники - русские и белорусы - национальность каждого к нашим отношениям не имела никакого отношения. Соседские по поселку ребята - с ними отношения никак не зависели от национальности. Поэтому то, что я еврей, для моей жизни не имело никакого значения. Да, я знал, что против евреев были фашисты и предатели Родины. Однажды, я стоял на железнодорожных путях и

мимо проходил товарный состав. В одном открытом вагоне я увидел здоровенного парня. Вдруг он, держась одной рукой за деревянный брус, идущий поперек вагона, нанес мне сильный удар ногой. Если бы я не успел подставить под удар ладони рук, то вполне вероятно я бы эти строки не печатал. А так я был просто выброшен за пределы насыпи. Случившееся для меня осталось как то, что только какой-то недобитый предатель мог совершить такое. Но позднее, лет в 9 я столкнулся с понятием национальности и со стороны парней, немногим старше меня. Меня стали преследовать парни, идущие также как и я в школу, только они учились в другой школе. Все они были старше меня года на два или три. Уловив момент, когда я шел один, меня начинали избивать и обзывать "жиденок". Я стал от них прятаться, но это не всегда удавалось. Жаловаться кому-то я просто не привык. При том, как на меня нападали, были и те, кто был противником этих побоев, но никто не вмешивался. И здесь я узнал первую истину - нужно давать отпор, даже если ты слабее, нельзя сносить оскорбления и позволять этим унижать тебя в дальнейшем. В один из дней эта компания остановила меня и один изних стал обзывать меня. В ответ я сделал то, что должен был сделать раньше попытался его ударить. Это не удалось, он стал сам ударять меня, я несколько раз безуспешно бросался на него. В один из моментов, понимая, что так мне до него не добраться, я бросился ему в ноги и рванул их на себя. Он упал и я двумя руками вцепился ему в горло. Вскоре он начал хрипеть, а я все сжимал и не отпускал его. Только вмешательство его приятелей спасло его. Но меня с трудом смогли оторвать четверо здоровенных парней. После этого один из них замахнулся на меня, но ударить не дали наблюдавшие парни. Их вмешалось сразу несколько. И, как я понял, причиной того, что раньше они были просто наблюдателями, было то, что я не давал отпор, позволял себя унижать. Но, как только, я дал отпор, меня сразу поддержали. После этого инцидента, все нападения на меня и оскорбления прекратились.

Вот так я сделал сразу два вывода - в нашей стране существует не только "дружба народов" и нужно всегда давать отпор тем, кто тебя оскорбляет и унижает, даже если они сильнее тебя.

Через несколько лет у меня произошел аналогичный случай, только он не был связан с национальностью. Я одному парню не дал своевременно отпор, опасаясь его кампании.

Он от этого наглел все больше и больше. И однажды я не выдержал и "врезал" ему по физиономии. Я до сих пор помню, как мне от этого стало легко, я чувствовал себя свободным. Я понимал, что кампания моего противника нападет на меня, но меня это уже не пугало, главное, я их не боюсь. Как ни странно никто на меня не напал. Позднее я узнал, что мой противник обращался за помощью к своим приятелем, но их главный в кампании, в помощи отказал, предложив разбираться самому.

В эти же периоды, мы в школе занимались в разных кружках. Занятия проходили вечером. В школе был приемник, который ловил и заграничные передачи. Их глушили, но кое-что поймать было можно. Так я узнал, что существуют и другие мнения по тем вопросам, которые нам освещали в школе, по радио и т.д. Но сразу хочу сказать, что передачи "забугорного" радио не производили на меня и других, кто со мной их слушал, никакого впечатления. Понятие - наше социалистическое, самое лучшее для нас было наиболее правильным.

Но затем появились определенные сомнения. Они появились, когда после окончания школы я пошел работать на бумажную фабрику. Я стал 2-м накатчиком бумагоделательной машины. Машина была новая и только запускалась. Рядом с ней работала такая же машина, только австрийского производства. Как пояснял бригадир и другие при производстве советской машины ее "содрали" с австрийской, но чтобы не было претензий со стороны австрийцев, кое-что сделали по своему. Но это кое-что сделало машину очень неудобной в обслуживании, но, главное, машина по производительности была равна австрийской. Таким образом я наглядно мог видеть два произведения — капитализма и социализма, причем советское не являлось лучшим.

Но работа в бригаде приучала к чувству коллективизма, необходимости помогать тем, кто менее опытен и часть работы которого более тяжелая. Правда, работа по обслуживанию австрийской машины требовала того же. И я получил определенное понятие того, что понятие коллективизма, помощи друг другу - не только социалистическое понятие.

При этом я научился понимать, что нужно быть как можно более квалифицированным, добросовестным работником, стремиться выполнять свою работу как можно лучше. Это важно для любого строя как капиталистического, так и социалистического. Сразу признаюсь, я не собирался быть в будущем специалистом бумажного производства. Но это не мешало и повышению квалификации и добросовестности в работе. Пределом моей квалификации была работа уже первым накатчиком.

Дальнейшую учебу в жизни я проходил в цехе контрольноизмерительных приборов на химическом заводе в г.Перми, куда я приехал, проработав на бумажной фабрике ровно год. КИП научил меня многому, хотя я начинал с довольно простой работы по ремонту манометров. Свое будущее я не видел в работе специалиста цеха КИП. Но когда рядом работают специалисты высочайшей категории, для которых качество того, что они делают, является основным, то просто стыдно не стараться работать добросовестно. И моя практическая работа вновь привела меня к столкновению социалистического и капиталистического. Ремонтируя манометры я столкнулся со следующим: из цехов приносили манометры, произведенные в Германии и СССР еще в двадцатых годах. Проржавевшие корпуса, пожелтевшие от вредного воздействия шкалы, но при этом высочайшая работоспособность. Они легко поддавались настройке и работали очень качественно. А вот манометры произведенные в нашей стране совсем недавно, только привезенные с заводов производителей просто мучали меня, требовали в настройке неимоверных усилий. Я однажды по этому поводу обратился к рабочему, который меня в свое время учил манометры ремонтировать. И тут я получил урок отношения к капитализму и социализму. Взяв в руки немецкий манометр он пояснил:

- "Его делал Адольф Гитлер".

Затем, взяв в руку наш манометр производства 20-х годов, он продолжил:

- "А вот это делали, когда не было ни ударников комтруда, ни стахановцев".

И затем, взяв в руку наш манометр последнего выпуска он сказал:

- "А вот это делал стахановец и, наверное, ударник комтруда".

Урок был более чем наглядный. На мою добросовестность этот урок не повлиял, но сомнение в необходимости и пользе стахановского движения посеял.

Прошел еще год и все у меня круто повернулось - меня призвали в Советскую Армию. Скажу откровенно, в армию я не собирался и не рвался, но и не боялся ее. Надо, значит надо. Единственно опасался, что меня с моей близорукостью отправят в стройбат. Я считал, что если служить, так служить, защищая Родину. По молодости лет я просто не понимал, что служат там, куда послали, от тебя это не зависит. В физическом отношении я парень среднего уровня. Мог бегать если надо и длинные дистанции. Вставать рано для меня тоже было не проблема. Но попав в армию, убедился, что этого мало. Призвали меня в ракетные войска противовоздушной обороны страны. Да еще в сержантскую школу, где служба медом не казалась, нагрузки были огромные. Но в 19 лет человек способен выдержать любые нагрузки и не в них главное. Ко всему привыкаешь. Сложность оказалась в другом. В этом я убедился после первых двух месяцев службы. Виновато в этом социалистическое соревнование, от которого не было покоя и в армии. Для того чтобы все три взвода батареи могли соревноваться, нужно чтобы солдат с одинаковым образованием было примерно поровну. Вот после принятия присяги и провели такое "перемешивание". Так я оказался в первом взводе, где у меня с рядом парней не сложились отношения. В подобной обстановке многие противоречия можно нормально урегулировать,

причем есть вещи на которые можно просто не обращать внимание. Есть и такие за которые бьют по физиономии. Но если ты остро реагируешь на то, что тебе не нравится, у других появляется желание все это продолжить. Тем более, что возникает мнение, что это можно делать безнаказанно, когда тот, кого задевают, все стерпит. Но это годится не для всех. Есть такое понятие - "фрустрация". Это когда набирается определенное количество неприятных эмоций и происходит своеобразный взрыв. Проще приведу пример: самоподрыв ракеты происходит, когда за короткий промежуток времени происходит частый возврат определенного количества сигналов, поступающих от цели. При определенном сочетании, когда ракета входит в зону поражения, она взрывается и уничтожает цель.

Так произошло и у меня. Причем произошло трижды. После этого все стало на свое место и ,таким образом, я решил все спорные вопросы своими собственными руками, почти как в "Интернационале".Причем в последнем случае меня поддержали ребята, а противник принес извинение за свое неправильное поведение. Снова я понял принцип - когда сам даешь отпор, всегда есть люди, которые тебя поддержат.

Сержантская школа, где я служил первый год, готовила специалистов для службы на ракетном комплексе С-125. Мы являлись первым выпуском в СССР и служить должны были в дальнейшем, охраняя воздушные границы страны.

Уже в конце года службы меня снова подвела система социалистического соревнования.

После сдачи всех экзаменов выяснилось, что наш взвод претендовать на соответствующее место в соцсоревновании в школе не сможет. Может претендовать другой взвод. Но у него была другая проблема - очень много парней не могли получить даже тройку по физической подготовке. Тогда кого-то из офицеров обуяла следующая мысль: отметку по физподготовке сразу солдатам не объявлять. А затем поменять оценки. Вот таким путем у меня при всех отличных оценках появилась тройка по физподготовке. Тем самым меня лишили возможности из имеющихся дальнейших мест

службы сделать выбор. Позднее ко мне подошел замполит батареи и сказал, что произошла ошибка.

Офицер, который менял оценки, не обратил внимания на то, что у меня все оценки отличные. Замполит пояснил, что исправить уже невозможно, но возможность выбора мне предоставят. Первая мысль у меня была от предложения отказаться, поскольку нужные места службы были уже разобраны. Ведь право выбора предоставлялось не только отличникам (их были единицы), а целому ряду категорий солдат по иным основаниям. Но затем я сообразил, что кроме нужных мест, существуют места, куда ехать служить мне, да и другим не хотелось. И тогда я сделал нормальный выбор и поехал служить в Белоруссию.

Как у сержанта, у меня в дальнейшем никаких проблем с подчиненными не возникало, независимо от того, что некоторые из них отслужили больший срок службы. Гораздо позднее, уже через много лет после службы в Армии я слышал высказывания о том, что в те годы взаимоотношения между солдатами были другими, гораздо нормальнее, чем в настоящее время. Это не так, и тогда было всякое, зависело от людей и стремления отстоять себя. Я сам наблюдал, как прижимали даже сержантов солдаты, которые служили больше их. У меня этих проблем не было, поскольку я бы дал отпор любому, кто бы попытался меня "прижать" и то, что я в состоянии дать отпор было известно. В армии я убедился, что СССР не страна дружных национальностей. Меня это лично не касалось, но, приученный, что СССР единая семья народов, я поражался антагонизму между грузинами и азербайджанцами, грузинами и абхазцами. Я убедился, что эстонцы остальным далеко не друзья и братья. За первый и второй год службы я имел массу возможностей убедиться, что "дружба народов" существует в немалой степени благодаря тому, что ее поддерживают "сильной рукой".

В конце второго года службы я был направлен в дивизион, который готовился заступать, а потом и заступил на боевое дежурство. По нашей ракетной системе мы были одни из первых кто заступил на боевое дежурство. А поскольку это происходило в период

обострения отношений между СССР и США, то постоянно шли тренировки. Иногда V кого-то сплошные ИЗ парней вырывалось: "Сколько можно" и следовал ответ: "Чтобы не повторился сорок первый". Кстати, о том, насколько ПВО и авиация в 1941г. оказались не готовы к войне, нам говорили постоянно. В этой части информация была намного более существенная, чем официальная информация, идущая в нашей стране. В этих условиях было не до национальных противоречий. Однажды мне в руки попал журнал "Огонек" 1944г., этот номер вышел после высадки наших союзников в Нормандии. Меня поразил текст сообщений, восхваляющий союзников, восторг от их действий. Это явно противоречило нашей официальной пропаганде о высадке союзников, где все подавалось как уже не очень нужное событие, без которого можно было обойтись. Мы имели и объективную информацию о событиях в Польше, 1944г., период восстания в Варшаве. Нас поразило то, что, оказывается, Красная Армия не поддержала поляков, поскольку для Польши у СССР имелось другое правительство, а не то, которое подняло восстание. Меня лично возмущали не сами причины поведения наших руководителей по настоящему вопросу (я не был уверен, что нужно было поступить иначе), а отсутствие полной достоверной информации для народа и объяснение событий в Польше только невозможностью перейти в наступление.

В период несения боевого дежурства я убедился, что чем сложнее техника на которой работают люди, тем более квалифицированными должны быть эти люди. В этом я наглядно убедился на полигоне Капустин Яр, когда опытные специалисты поражали цели в самых невыгодных условиях, а люди не имеющие нужного опыта и должной квалификации "мазали" в самых выгодных условиях.

За три года службы я понял и то, что армия это и дружба между ребятами, стремление защищать свою страну. Неся боевое дежурство мы понимали, что защищаем Родину и гордились этим. Годы службы, как я считаю и убежден в этом, принесли мне немало положительного: я стал сильным, крепким, научился давать отпор, если в этом была необходимость. Я научился взаимоотношению

между людьми в определенных условиях. Многое из этого потом мне пригодилось в жизни, в том числе и в работе адвоката. Но до этой работы были еще годы работы на том же заводе и в том же цехе, где я работал до армии, ну и, соответственно, годы учебы. Поступал я на заочное отделение юрфака, поскольку не желал пользоваться ничьей финансовой поддержкой, даже если она исходила бы от близких мне людей.

Самостоятельность в мышлении чуть не подвела меня на вступительном экзамене по истории, где мне попал один из вопросов по взаимоотношениям с Польшей. Я их и осветил в свете имеющейся у меня информации, дав свое видение этого вопроса, а оно явно не совпадало с тем, что нам официально давалось. Но мне повезло, попал умный и толковый принимающий, который дал мне возможность высказать свое суждение. В целом за экзамен я получил "отлично", но мне был дан намек быть осторожнее в некоторых пояснениях. Правда, и в процессе учебы подобные случаи имели место, но мне везло и на оценках это не отражалось. Определенные недостатки заочного обучения я старался восполнять, посещая лекции на вечернем отделении юрфака и проводя много времени в библиотеке.

Но на жизнь я ведь зарабатывал на заводе. Там я в полном объеме узнал, что такое рабочая элита, наиболее квалифицированные кадры. Приходилось постоянно проходить учебу по новой технике, вникать во все нюансы техники, которую мы обслуживали. Правда, насколько отстала техника нашей страны от техники капитализма мы имели определенную информацию, кое-что попадало и из официальных источников. В свое время меня поразила книга "Деловая Америка", где многое казалось фантастикой, но было реальностью. В этот период я уже был членом КПСС, секретарем комсомольской организации цеха. Вся моя комсомольская работа заключалась в организации спортивного участия цеха в заводских соревнованиях. Кого-то агитировать, что-то объяснять не было необходимости, также как и призывать к трудовым подвигам. Кроме того, я считал, что в комсомоле должны находиться люди желающие этого, а не

"затянутые" туда для численности. Особенно интересны были нередко происходившие в цехе дискуссии между парторгом цеха и некоторыми рабочими. Парторг цеха, очень порядочный человек, бывший преподаватель физики в школе (в будущем преподаватель ВУЗа) доказывал, что коммунисты всегда делали много положительного, ссылаясь на примеры из истории нашего телевидение. Его оппоненты, государства, прессу, считая коммунистов не столь положительными, ссылались на примеры приводя, мягко коммунистов завода, сказать, не совсем положительные примеры. Перевес был явно за оппонентами. Общение с товарищами по цеху много давало с точки зрения понимания жизни, умению ориентироваться в фактических событиях и исходить из их понимания самих фактов. При этом на первом месте в понимании человека был его профессионализм, умение досконально выполнить свою работу так, как не может ее делать человек, не имеющий должной квалификации.

В один из дней я был приглашен в заводоуправление, где мне предложили перейти на работу в юридическое бюро. В это время учился на четвертом курсе. Согласился я сразу. С работой у меня все пошло нормально, при этом мне пришлось перечитать и освоить массу юридической литературы, инструкций и т.д. Стремление было одно - стать настоящим профессионалом и, насколько возможно, быстрее.

В этот период времени я впервые столкнулся с человеком, пострадавшим за инакомыслие. Меня в электричке с ним познакомил мой знакомый, работавший на одном со мной заводе. Мой знакомый работал грузчиком и учился заочно на историческом факультете университета. Встретились мы случайно и он представил мне молодого человека. Как пояснил знакомый, в период учебы этого парня в ВУЗе (сейчас не помню - то ли в Москве, то ли в Ленинграде) этот молодой человек участвовал в акциях в защиту инакомыслящих. Этот парень и другие высказывали мнения, идущие вразрез с точкой зрения КПСС.

В чем конкретно это выражалось мой знакомый пообещал рассказать при следующей встрече, когда времени будет больше. Молодого человека за его высказывания исключили из ВУЗа и по ряду причин он оказался в Перми. С ним приехала и его мать.

Из разговора я понял, что этот парень познакомился с моим знакомым случайно, тот его уговорил идти с ним работать в одной бригаде. И вот он проработал первый день.

Как пояснил этот парень, работа в бригаде очень тяжелая, больше он на заводе работать не будет. Проживут с матерью на ее пенсию. Эти его высказывания меня очень поразили. И особенно его последующие высказывания. В нашем городе ему кое-что понравилось, особенно деревянная скульптура. Но понравилась эта скульптура с точки зрения заработать: забрать каким-то образом, если нужно распилить, вывести за границу и там у него есть возможность все это реализовать за хорошие деньги. Такой разговор сразу отбил все желания узнавать про его инакомыслие, вообще беседовать с ним. Больше я его не видел.

Я понимаю, что встретился не самым лучшим представителем противников системы, существовавшей в нашей стране, что среди этих противников были самые различные люди, в том числе и такие, которые просто позорили порядочных людей, пытавшихся бороться с существующей системой. На меня данная встреча произвела весьма негативное впечатление и никакого желания интересоваться инакомыслящими у меня не возникло.

Наступил период окончания ВУЗа. Вставал вопрос - куда податься? И тут мне предложили остаться на заводе в качестве секретаря комсомольской организации завода (естественно, освобожденного). Я прекрасно понимал, что принятие этого предложения решало все вопросы моей дальнейшей деятельности. Отработав года два я попадал в соответствующую "обойму" и мне, безусловно, помогли бы устроиться на юридическую работу в пределах города Перми. Последнее для меня было немаловажно, поскольку у меня уже были и жена и сын. Но я отказался от предложения, поскольку мое видение работы комсорга завода явно не

совпадало с тем, чем мне фактически придется заниматься (вести эту работу иначе мне просто не позволят). Вести себя иначе я не хотел. О работе в коллегии адвокатов я даже не помышлял, зная, что в тот период времени в коллегию никого со стороны не принимали. Но тут мне поступила информация, что прием возможен, но с местом работы в районе. И тогда я решил пойти на это, и пошел на прием к Председателю коллегии адвокатов Юрию Никифоровичу Сидорову. Посмотрев все мои документы он сказал, что меня могут принять адвокатом в Еловский район нашей области, но никаких гарантий будущего перевода в Пермь мне давать не будут. Так и началась моя адвокатская карьера. Еловский район очень маленький, дел мало. Чтобы заработать нужно очень много ездить по командировкам. И, главное, нужно набираться опыта, причем с учетом, что в Елово я один адвокат, самостоятельно. Но последнее мне было не страшно, я стал готовить из себя адвоката сам. Год в Елово пролетел незаметно. Затем судьба направила меня в шахтерский город Кизел, где я и получил солидную адвокатскую практику.

Считаю, что мне повезло в том, что за первое время моей адвокатской работы я не столкнулся с фактами явной несправедливости. Со мной, безусловно, не всегда судьи соглашались, но явно несправедливых приговоров в тот период не было. Были и оправдательные приговоры, причем и по довольно серьезным делам. Из-за малой практики работы я даже не смог в полной мере оценить первый оправдательный приговор, считая, что так и должно быть. Это уже в дальнейшем, я понял насколько это редкое явление, нетипичное для нашей судебной системы.

В этот период я услышал и о так называемых антисоветских делах. Точнее об одном таком деле. В тот период в уголовном кодексе существовала статья, предусматривающая ответственность за антисоветскую агитацию. Максимум наказания предусматривал 3 года. Эту статью ввели с целью привлекать людей к ответственности как за чисто уголовное преступление, без всякой политической подоплеки. Эти дела были подсудны областным судам (и судам подобного уровня). Находясь в командировке в пос. Ныроб

Чердынского района мы узнали, что в местной колонии рассматривается дело по антисоветской агитации. Нам сообщили, что "западное" радио уже передало сообщение об осуждении к наказанию в 3 года лишения свободы. Защищал себя подсудимый сам, поскольку приехавшая из Москвы дама заболела и он решил защищаться самостоятельно. В гостинице мы задали судье, рассматривавшему дело, вопрос о сроке наказания, сославшись на информацию зарубежного радио. На что мы получили ответ: "Мы не могли пойти на поводу у западного радио, мы назначили 2,5 года лишения свободы". Я даже предположить не мог, что с осужденным по этому делу я встречусь через много лет, когда он отбывал наказание по "политическим" статьям УК РФ.

За время работы в районах я приобрел огромный опыт работы. Научился разбираться в самых сложных делах. Нужно было находить в ряде случаев профессионалов в той или иной области, чтобы разобраться в обстоятельствах дела, связанных с судебной медициной, психиатрией, с особенностями работы в шахте, на железной дороге, бухгалтерией и т.д.

За время работы в городе Кизел я познакомился со многими интересными людьми. С одним - великолепным врачем-травматологом Сергеем Мазуром - мы стали друзьми. Другие стали хорошими приятелями - это инженер железнодорожного транспорта, Юра - заместитель главного механика комбината "Кизелуголь", Володя Цимбал — майор внутренних войск. В процессе общения зачастую обсуждались недостатки существующей в стране системы, преимущества в техническом развитии стран Запада. Никто с системой бороться не собирался, обсуждались в основном недостатки в техническом развитии страны. Юру мы называли патриотом города Кизел и предприятия, где он работал.

Это было связано с тем, что когда ему предложили очень солидную должность в Москве, в Метрострое, он отказался от этого предложения. Юра отличался еще тем, что не скрывал свою ненависть к советской власти. Эту ненависть он проявлял достаточно открыто. Из-за этого его вызывали на беседу в местное отделение

КГБ (и неоднократно),но поведение Юры в этом отношении не изменилось. Ненависть к советской власти у Юры была связана с тем, что его отца - председателя колхоза расстреляли без всяких оснований в соответствующие годы. Позднее отца Юрия посмертно реабилитировали, но отношение Юры к советской власти навсегда осталось негативным. Но эта ненависть не мешала ему быть великолепным специалистом, с которым считалось не только его руководство в Кизеле, но и знавшие его специалисты из Москвы, относившиеся к Юрию с большим уважением.

Выше я уже говорил о инженере, специалисте, работавшем на железной дороге. Насколько он великолепный специалист я убедился, когда занимался уголовным делом по аварии на железной дороге. В результате аварии погибли несколько человек, еще больше было серьезно травмировано. Разобраться в имеющихся технических сложностях без помощи специалиста было невозможно. Эта помощь позволила мне разобраться в технических нюансах, правильно подготовить вопросы особенно для проведения

дополнительной технической экспертизы. В конечном итоге, все это позволило добиться того, что привлекаемый к уголовной ответственности соответствующий руководитель остался на свободе. К сожалению, добиться его полного оправдания мне не удалось.

От Володи Цимбала я много почерпнул информации о нашей системе исполнения наказаний, о ее внутреннем содержании и ее недостатках. Одновременно, общение с Цимбалом улучшило мое мнение об офицерах внутренних войск. Обсуждение недостатков в каждой отдельной отрасли, где все мы работали, вольно или невольно приводило к выводам, что вся система нашей страны требует изменения, при этом коренного.

Но, безусловно, эти выводы оставались словесными рассуждениями, как это нужно менять и каким образом даже не обсуждалось. Но было ясно, что в "Датском королевстве", то есть в нашей стране, не все ладно.

Для адвоката очень важно не только наличие персональных обращений клиентов (в этой части у меня недостатка не было), но и

отношение к нему коллег, причем не только работающих с ним в одной юрконсультации. Имею ввиду отношение с точки зрения профессионализма, считают ли его серьезным адвокатом. За время работы в районах меня признавали как профессионала и ведущие адвокаты коллегии. Это мне помогло позднее перейти на работу в Пермь, даже раньше, чем я был официально переведен.

Один из наших ведущих адвокатов Витольд Станиславович Грохольский попросил меня провести в Перми его дело в областном суде. Сам он по ряду причин не мог сесть в этот процесс. Я дал согласие и несколько недель защищал клиентов по соответствующему делу. За этот период времени решился вопрос о переводе меня на работу в Пермь в Ленинскую ЮК.

Перевод в ЮК, тем более Ленинскую, тогда ведущую ЮК города, был возможен только с согласия ее заведующей - Антоны Игнатьевны Соловьевой. Она, будучи членом Президиума коллегии, при решении вопроса о моем переводе в Пермь, сама предложила место работы в ее ЮК.

Прошли годы, Антонина Игнатьевна уехала из Перми. Заведующей стала Валентина Георгиевна Стрельникова. Я стал ее заместителем. Была у меня и еще одна должность - Председатель ревизионной комиссии коллегии адвокатов.

По линии КГБ никаких дел я не проводил. Сталкиваться с его сотрудниками почти не приходилось. Единственный раз, когда я в это время с ними столкнулся, это материал по одному нашему адвокату. КГБ проводило проверку по нахождению у граждан оружия незаконно. Эта проверка была связана с убийством, по-моему в Киргизии, какого-то министра. В процессе проверки и вскрылись определенные обстоятельства, материал по которым и был направлен в коллегию. Проверку по материалу, представленному нам, проводил я. В процессе проверки я убедился, что товарищи из КГБ работать умеют, представленный ими материал был серьезен, объективен, подкреплен доказательствами.

Я даже предположить не мог, что когда-нибудь столкнусь с сотрудниками КГБ, как говорят «лоб в лоб». Но человек предполагает, а судьба располагает.

К моменту столкновения я уже был опытным адвокатом, самостоятельным в своих мышлениях, умеющим отстаивать свое мнение и дать отпор там, где это нужно сделать.

Я не был человеком, который готов идти на компромисс со своей совестью. Я не принадлежал к категории людей, которые готовы съесть ближнего, даже если к этому вынуждают обстоятельства.

Последние мои фразы это не попытка расхвалить себя, это констатация фактов, а насколько факты соответствуют действительности читатель может оценить сам.

ПЕРВОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ, ЗАЩИТА ИНАКОМЫСЛЯЩИХ.

Те или иные новые нюансы профессиональной деятельности зачастую возникают неожиданно и ты сталкиваешься с делами, к которым раньше не имел никакого отношения. Так и случилось в один из дней 1984 г.

До этого дня я находился в командировке. При появлении в юрконсультации секретарь сообщила мне, что меня ждет какая-то женщина. Данная дама сообщила мне, что она хочет заключить соглашение на посещение ее мужа, отбывающего наказание в местах лишения свободы. У меня возражений не было. Но женщина стала мне объяснять, что муж отбывает наказание по "политическим" статьям уголовного кодекса и находится в соответствующей колонии. Я ответил, что не вижу разницы за что он отбывает наказание и где содержится.

Женщина улыбнулась и сказала: "Все Ваши коллеги, к которым я обращалась, сразу отказались от заключения соглашения, когда узнавали за что муж отбывает наказание. Причем отказались категорически." Я пояснил, что все это для меня не имеет значения, не вижу оснований для отказа. Она пояснила, что один из моих коллег, сам отказавшийся от поездки, узнав куда нужно ехать,

пояснил ей, что есть адвокат Чарный, который не испугается. Но он находится в командировке и вернется через один-два дня. По ее словам, теперь она убедилась, что мой коллега был прав в отношении меня.

В дальнейшем разговоре выяснилось, что, по ее словам, в колонии ее мужа администрация подвергает необоснованным наказаниям. В результате этого муж помещался в ШИЗО (штрафной изолятор), ПКТ (помещение камерного типа). В настоящее время необоснованные "придирки" и наказания продолжаются. Соглашение было заключено.

Так у меня появилось адвокатское досье на Иосифа Бегуна, бывшего кандидата технических наук, бывшего жителя города Москвы, в то время отбывающего наказание по ч.1ст.70 УК РСФСР - клевету на советский государственный строй, особо опасное преступление.

В места лишения свободы к осужденным я неоднократно выезжал. Все это было связано с дальнейшим обжалованием приговора в надзорном порядке в Верховном Суде РФ. По всем этим делам я ранее не участвовал в защите осужденных. Само по себе посещение осужденных мне было не нужно. Составить надзорную жалобу после изучения дела в суде и поехать на прием в Верховный Суд вполне возможно без встречи с осужденным.

Но сами осужденные и их родственники были иного мнения, а оно было решающим. Случай с Бегуном был иной, в этом случае его посещение было необходимым, чтобы разобраться с наложением взысканий и найти основания для их обжалования. Кроме того, я до этого никогда не бывал в колониях, где отбывают наказание по антисоветским статьям уголовного кодекса. И мне было интересно сравнить условия отбывания наказания в этих колониях с условиями отбывания наказания в колониях для обычных лиц, осужденных не по "политическим" статьям.

Сразу уточню, правильное название мест отбывания наказания в то время — ИТК (исправительно-трудовая колония). Сейчас их называют - ИК (исправительная колония). Обычная колония в те годы

- это масса отбывающих в ней наказание лиц, двойные или тройные нары. Как правило, все эти колонии переполнены, идет борьба между различными группировками, все решает сила, нередко драки, поножовщина.

Во главе колонии - "хозяин", начальник колонии, власть которого практически безгранична. В ряде случаев такой хозяин для удобства управления колонией привлекает, так называемых "ставших на путь исправления", это своеобразная внутрилагерная полиция. Эти осужденные даже робу носили другого (черного) цвета, чтобы отличаться от остальных. С другой стороны были бригадиры, каптерщики, повара и т.д. Между этими группировками находились "мужики", это те, кто работал непосредственно на производстве, вечно был голодный, кого заставляли много работать, соблюдать те или иные правила. При этом обе основные (кроме мужиков) группировки облегчали работу начальнику колонии, при этом вечно воюя друг с другом. Позиция "хозяина": "Разделяй и властвуй" была очень удобна. Правда, иногда она давала сбой и приводила к лагерным "бунтам", что было ужасно по последствиям, с человеческими жертвами и, как правило, сжигалось все, что удавалось поджечь.

Да, я совсем забыл и о еще одной группе ("обиженные", "петухи"), то есть осужденные изгои, которые исполняли в колонии обязанности женщины и содержались они в отдельных отрядах.

Все эти условия я хорошо знал, поскольку в первые годы работы адвокатом многократно бывал в колониях различного типа. В настоящее время в детективных телесериалах часто показывающих "смотрящих", осужденных, которые всем руководят в зонах. В те времена я о подобном даже не слышал. Группировки - да, но чтобы были такие "смотрящие" – нет.

Если учесть, что в Пермской области колонии в основном находились на достаточно удаленном расстоянии от Перми, нужно было лететь самолетом, например до Ныроба, а были колонии и дальше. Бывало, что суд для рассмотрения уголовного дела не мог длительное время добраться до колонии. В ряде из них был такой контингент, что никакой "смотрящий" был для них не указ.

Мне приходилось знакомиться и с внутриведомственными документами, не предназначенными для всеобщего обозрения. Я читал и данные об оперативной обстановке в учреждении (в которое входило ряд колоний). Со всеми этими документами адвокату никогда бы не ознакомился, если бы не особые обстоятельства, когда в ознакомлении заинтересовано руководство учреждения. Я получил такую возможность в 1971г., когда защищал и.о.начальника одной из колоний. Вышестоящее руководство стояло за своего сотрудника и поэтому мне была предоставлена возможность знакомиться со всеми материалами, несмотря на уровень секретности.

Так я узнал, что в ожидании амнистии в связи со 100-летием со дня рождения В.И.Ленина осужденные почти прекратили нарушения режима. Они рассчитывали на большую амнистию, с освобождением от наказания огромного количества отбывающих наказание.

Но этого не произошло, амнистия была очень "скромная". После этого начались массовые нарушения режима, количество, характер которых приводились в обобщении, с которым я имел возможность ознакомиться. Но при этом ни о каких "смотрящих", поставленных уголовным миром в этом обобщении не было ни слова.

Я осуществлял защиту по делам, где лиц весьма уважаемых в зоне, пользующихся авторитетом, убивали молодые рьяные осужденные, когда эти авторитеты задевали интересы молодых. Мне как-то жаловался один такой "уважаемый человек" на молодежь в зоне, которая никаких авторитетов не признает. Зная условия отбывания наказания (то, что я описал выше), меня интересовало и то, какие условия содержания имеются в колонии, где наказание отбывал И.Бегун.

В нашей области таких колоний было три: УТ-389/35 - поселок Центральный Чусовского района, 36 - пос.Половинка этого же района и 37-пос.Кучино, тот же район.

Я прекрасно знал, что применение силы между осужденными в этих колониях не бывает, не тот состав осужденных, но все остальное я узнал уже при их посещении.

Дальше началась обычная в таких случаях работа. Я отправил на Половинку сообщение о намерении посетить осужденного (там находилось руководство всех колоний, там же находились отделения КГБ).

По телефону была согласована дата посещения. Мне было сообщено, что свидание я получу в 35-й колонии в поселке "Центральный". В соответствующий день я приехал на Половинку, где убедился, что препятствий для посещения нет. После этого вскоре я был в 35-й колонии. Ко мне подошел молодой человек в штатском, представился как ст.лейтенант КГБ. Он попросил меня о беседе в кабинете начальника колонии. В кабинете находился майор-Злесь ст.лейтенант колонии. мне наглядно начальник продемонстрировал, "кто в доме хозяин". Заходя в кабинет начальника за мной, он сообщил секретарше начальника колонии, что начальник будет занят часа полтора. Мнением начальника по этому поводу он не интересовался.

Разговаривал со мной только ст.лейтенант. Суть разговора сводилась к тому, что администрация колонии хотела бы найти с Бегуном общий язык, с тем, чтобы прекратить все противоречия между ними. У меня возникла мысль, что через меня Бегуна хотят сделать "стукачом" (информатором). Но офицер, увидев, как при этих словах я напрягся, сразу разъяснил сказанное. Ни о каком стукачестве разговор не идет, администрация заинтересована, чтобы со стороны Бегуна прекратились нарушения режима и, соответственно, чтобы отпали основания для его наказания. Разговор был достаточно длинный. Я сказал, что после разговора с Бегуном, постараюсь понять кто из сторон прав и, если это возможно, найти какой-то компромисс.

До встречи с Бегуном мне предложили посетить саму зону, в том числе и жилую. Я увидел по размерам обычную зону, но отбывающих в ней наказание было 25-30 человек. В обычной уголовной зоне на такой территории располагалось несколько сот осужденных. Жилая зона представляла собой барак, но в нем не было нар. Были обычные одноярусные кровати, имелись и наволочки и простыни. Все это меня поразило, поскольку в тот период времени в уголовных зонах были и

нары, причем в 2 яруса, если не в три, простыни и наволочки имелись только в колониях несовершеннолетних. Возможно и в женских, но там я не бывал. Как известно, клетка даже золотая остается клеткой. И более благоприятные условия (о которых я написал) еще не означают, что отбывать наказание "политическим" легче.

Кстати, в этих зонах, в отличие от уголовных, отсутствует понятие расконвоированный осужденный, которому разрешается выполнять свои обязанности и за пределами зоны без конвоя. В таких лицах даже в политических зонах имеется необходимость, но для этого использовали осужденных из соседних уголовных зон. Затем состоялась встреча с Бегуном. Выглядел он вполне здоровым. В разговоре выяснилось, что работает Бегун токарем. С его больными ногами стоять часами за станком было очень трудно и его самочувствие было далеко от здорового. Но несколько дней назад его с Кучино перевели на Центральный, где находится больница. Туда и поместили Бегуна, провели определенное лечение. Вот после этого он и смотрится достаточно здоровым. Для себя я отметил, что уже некоторая польза от моего посещения есть, ведь перевод и лечение безусловно связаны с моим посещением.

Затем мы обсудили наложение взысканий на Бегуна. Необходимо учесть, что в "политических" колониях (далее я их буду указывать без кавычек) существует своя система исправления граждан осужденных, причем она в основном носит психологический характер, но продолжением ее является и применение наказаний (это уже физический фактор).

Психологическое воздействие, например, может состоять в том, что осужденному не отдают пришедшее от родных письмо по мотиву, что в нем содержится двойной скрытый смысл, какая-то информация, которая до осужденного не должна доходить.

Есть информация или нет неизвестно, скорее всего в письме ничего крамольного нет, но это своеобразное воздействие на осужденного, если у него с руководством колонии нет общего языка. Поскольку переписка осужденного по закону дозирована, то лишение

возможности прочитать письмо от родных весьма негативно для этого человека.

В ряде случаев вдруг начинается "шмон" (обыск) осужденного. Делается это весьма грубо.

Такие действия вызывают негативную реакцию осужденного, в адрес обыскивающих звучат слова типа "ведете себя как фашисты". После этого за оскорбление назначается наказание.

В начале мая несколько осужденных, в том числе Бегун, устроили чаепитие, отмечая день Холокоста, в память о уничтожении евреев в годы Второй мировой войны. При этом было по этому поводу сказано ряд слов, в том числе и о том, что Красная армия спасла евреев от полного уничтожения. Среди участвующих в чаепитии оказался человек, которого никто не знал, поскольку он незадолго до этого появился в колонии. Этот человек заговорил совсем о другом, в частности, что сионизм это противовес социализму, против которого и следует бороться. Его никто не поддержал, а чаепитие было прекращено.

На следующий день Бегуна привели к руководству колонии, где ему были предъявлены претензии, что он организовал антисоветское собрание, где произносились высказывания антисоветской направленности. Вновь Бегун был наказан. А неожиданно появившийся на чаепитии гражданин исчез, больше его в колонии не видели.

Были и другие аналогичные случаи, которые приводили к новым наказаниям. От Бегуна добивались раскаяния, заявлений об изменении своих взглядов. Поскольку этого не было, то итогом стали помещение в ШИЗО, а затем в ПКТ. Кстати, здоровья все это Бегуну не добавляло.

Причем задевать его старались даже по мелочам. Например, никак не решался вопрос даже с заменой очков, которые ему были присланы, но ему никак не передавались.

Я прекрасно понимал, что все документы по наложению взысканий с точки зрения процессуального их оформления составлены правильно. Обжалование их бесполезно. Но в разговоре с

Бегуном мы пришли к общему мнению, что мой приезд, своеобразная огласка этих фактов приведут к положительному результату и такой "прессовки" в будущем не будет.

Я ему рассказал о разговоре с сотрудником КГБ, сообщил, что с этим сотрудником будет беседа после посещения Бегуна, где я постараюсь попытаться найти какой-то компромисс.

Решили, что после посещения я вновь приеду через определенное время (2-3 месяца) с тем, чтобы узнать что можно сделать для Бегуна, изменилось ли отношение к нему со стороны администрации и если изменений не будет, то тогда подумаем о подаче жалоб в соответствующие органы.

После беседы разговор с сотрудником КГБ состоялся. Я высказал свое мнение, что явно не следует пытаться получить от Бегуна определенных заявлений об отказе от его мнений по тем или иным вопросам. Не следует и допускать со стороны администрации действий, которые явно толкают его на те или иные действия, которые не устраивают администрацию. Напомнил и об очках. Мне было обещано, что со стороны администрации колонии будет сделано все, чтобы разумный компромисс с Бегуном был достигнут.

Сотруднику КГБ я прямо заявил, что отношение администрации к Бегуну напрямую зависит от отношения к Бегуну сотрудников КГБ. Он засмеялся и сказал, что все будет нормально.

Я уехал с поселка Центральный с некоторой надеждой, что мое посещение было не зря, хотя и не переоценивал итоги этого посещения.

Меня, естественно, заинтересовало, в чем заключается антисоветский характер статей Бегуна. И уже после его посещения, в разговоре с женой Бегуна я высказал желание ознакомиться с какойто из его статей. Она знала от меня, что я должен ехать в Москву, в Верховный Суд по одному из моих дел. Мне было обещано в Москве мое желание ознакомиться с одной из статей исполнить. Так и получилось. С такой статьей я ознакомился. Никакого впечатления она на меня не произвела, я не увидел в ней ничего антисоветского, понимание текста было непросто даже для меня. Публикация такой

статьи на широкую общественность не произвела бы никакого впечатления, а для подавляющего большинства читателей содержание статьи осталось бы непонятым.

Прошло время. Жена Бегуна напомнила о необходимости вновь посетить ее мужа.

Я свое обещание не забыл и был намерен его исполнить. Уже была зима, но ждать более теплого времени было ни к чему.

Снова последовал запрос о возможности посещения, были и телефонные звонки.

В тоне моих собеседников я не уловил ничего положительного, но по дате посещения мы договорились.

В день, когда я должен был выехать для встречи с Бегуном под утро мне позвонил человек, который должен был меня отвести "в места не столь отдаленные".

Случилось непредвиденное, машина сломалась и ехать было невозможно. Отмечу, что я никогда и никуда не привык опаздывать, не зависимо от обстоятельств. Поэтому срывать посещение я был не намерен. Автомашина в нашей семье была, но я не умею водить. Жена не могла меня отвезти, поскольку у нее был свой процесс. Тогда я срочно уехал на вокзал и на электричке поехал до станции Всесвятская. Оттуда я добрался до поселка Половинка. Мне было сообщено, что препятствий для посещения Бегуна нет, для этого нужно ехать в поселок Центральный. О моем приезде руководство на Центральном извещено по телефону. Я обратился с просьбой отвезти меня туда. Получил отрицательный ответ по мотиву - проблемы с транспортом. Придя на автобусную остановку я узнал о новой неприятности, что автобус сломан и добираться нужно пешком.

Сделать это было непросто, поскольку до Центрального несколько километров, а на улице минус 30 с сильным ветром. Но останавливаться я и не думал. Главное было преодолеть полтора километра до лесного массива. Там уже ветер не так страшен. Шел я не один. Шли человек 15-20, в основном подростки, были и весьма пожилые люди. Надеяться можно было только на проходящие

автомашины, но я это сразу отбросил, поскольку пусть уж подвезут кого-то пожилого или подростка, которым преодолеть расстояние при такой погоде сложнее, чем мне. Подобные условия мне приходилось преодолевать в первые годы моей работы адвокатом. И всегда я до места назначения добирался, причем вовремя. Но если вдруг возникали препятствия: не удается достать билет, ломается транспорт или иные неурядицы, то я знал, что добираюсь зря. По приезду я узнавал, что по каким-то причинам не состоится судебное заседание, срывается следственное действие.

Было и так, что выехать вообще не удавалось. Во всех этих случаях выяснялось, что выезжать было и не нужно, потому что следственные действия, судебные заседания все равно срывались.

В данном случае у меня было внутреннее мнение, что встреча с Бегуном не состоится. Но это ничего не меняло. Я продолжал идти. При этом посмеивался над собой, называя себя "декабристом", отчаянным, смелым и т.д. Посмеиваясь над собой, поскольку никакой смелости не было, была просто необходимость, да и рядом со мной шли полтора десятка обычных людей, идущих по своим делам.

В нашей стране было принято подавать какие подвиги совершают люди, когда они честные и порядочные, но на подобное не способны нечестные люди, преступники.

Но в жизни это далеко не так. Я неоднократно убеждался, какие смелые, грозящие их жизни поступки совершают люди с весьма преступной ориентацией.

Один такой несовершеннолетний шалопай, когда его милиционеры везли в поезде, попросившись в туалет, моментально выпрыгнул из окна поезда. Затем он продолжил свою неправедную деятельность. При его допросе я спросил у него, как он сумел получить только царапины, ничего себе не поломать, ведь поезд шел на большой скорости. Он обиделся: "Какие царапины? Никаких царапин не было". Один из весьма отрицательных граждан, будучи абсолютно трезвым, на спор прыгнул на асфальт с четвертого этажа, не причинив себе никаких повреждений.

Все эти воспоминания помогали мне отвлекаться от мороза и ветра. Уже около леса мне один из встретившихся прохожих показал мне на скулы - побелели. Вскоре я увидел впереди стоящую грузовую автомашину, около которой стоял водитель и явно ждал меня. Мне он пояснил, что сигналил мне, но я не обращал на это внимания. Кто этот человек и почему он мне помог не знаю. Он спросил куда нужно, довез прямо до ворот колонии и категорически отказался взять деньги. Я поблагодарил, пожал ему руку и пошел за ворота. В помещении штаба два офицера сообщили мне, что о моем приезде уже звонили и мне нужно обращаться заместителю начальника ИТК. Этим заместителем оказался весьма упитанный ст.лейтенант, который сразу заявил мне, что о моем приезде ему неизвестно, так как у них отсутствует связь с Половинкой. От меня он потребовал специальный ордер на посещение осужденного. Я предъявил удостоверение и ордер на свидание. О телефонном сообщении, чтобы не подводить офицеров, я не стал говорить. Мне было заявлено, что нужен специальный ордер, мой ордер его не устраивает. На мое настояние предоставить свидание, на незаконность его требований заместитель повторил, что свидание не предоставит. На предложение дать письменный отказ мне было заявлено, что ничего писать не будет, а командировку мне отметят.

Пришлось уходить. Около ворот уборщица мне шепнула, что недалеко от ворот стоит машина геологов и с ними можно договориться, чтобы меня отвезли. Она оказалась права.

Геологи меня довезли до Половинки. Причем не просто в поселок, а тоже к воротам колонии. Начальник был поражен моим появлением. Но подтвердил правомерность, по его мнению, действий своего подчиненного. Пришлось уходить. От Половинки я уехал на автобусе, который уже исправили.

В электричке я обдумал происшедшее, пришел к выводу, что цель происходившего, отучить меня от не нужных соответствующим органам посещений, чтобы мне подобное было неповадно.

Естественно, происшедшее меня не остановило. Приехав в Пермь, я направил жалобы на имя прокурора области и начальника

ГУВД области. Были получены ответы, что действия начальника учреждения ВС-389 были ошибочными, в связи с чем, к нему будут приняты меры. Вопрос о предоставлении свидания впредь будет решен положительно. Вновь были согласованы даты посещения и оно было предоставлено, но уже в поселке Кучино, куда Бегуна вернули для дальнейшего отбывания наказания.

При беседе выяснилось, что очки Бегуну передали, но в остальном мало что изменилось. Не исключалось и его направление на тюремный режим. Возникла ситуация, когда без жалоб решить возникшие вопросы невозможно, но и при направлении жалоб шансы на положительные результаты были равны нулю.

Тогда Бегун предложил мне ознакомиться с его уголовным делом, составить надзорную жалобу и с ней пойти на прием в Верховный Суд. Пришлось объяснить, что по подобным делам (за которые он осужден) удовлетворений надзорных жалоб не бывало. Более того, существуют и другие категории дел, по которым положительных решений для осужденных не бывает. Я объяснил свои слова конкретным примером.

В свое время Н.С.Хрущев начал борьбу с "валютными" преступлениями. Для усиления этой борьбы применили обратную силу закона, то есть судили не по закону времени совершения преступления, а по закону принятому позднее, значительно усилившим наказание. Все знают дело Файбищенко и Рокотова, расстрелянным по таким делам. Но, далеко, не все знают, что обратную силу закона применили и к ряду других лиц. Такой человек обратился ко мне за консультацией в одной из колоний.

Применив за незаконные валютные операции обратную силу закона, этого человека осудили на 15 лет лишения свободы. На момент нашей встречи он уже отбыл большую часть наказания и мог быть освобожден условно-досрочно, поскольку не имел нарушений, по всем характеристикам значился "твердо вставшим на путь исправления". Тем не менее, на УДО его не представляли, ему объяснили, что это бесполезно.

Не дали результата и все попытки снизить наказание, подавая жалобы в порядке надзора. Жена этого человека пробивалась на прием в различные органы, но все было бесполезно. В этом случае дать полезный совет было невозможно. Единственное, я посоветовал, чтобы его жена постаралась найти возможность попасть на прием к кому-то из руководства Президиума Верховного Совета СССР и там просить о снисхождении. Ведь актуальность дел по валютным операциям была уже не такая острая и при желании Президиум в порядке помилования мог пойти на снижение наказания. Что происходило в дальнейшем и был ли какой-то положительный для обратившегося результат мне неизвестно.

Иосиф Зиселевич меня внимательно выслушал, он все понимал, но стоял на своем. Решили, что его жена по этому поводу обратится ко мне, если в дальнейшем их мнение не изменится.

В дальнейшем мнение не изменилось. Но тут возникли новые обстоятельства - Бегуна администрация была намерена направить для дальнейшего отбытия наказания на тюремный режим. Встреча с ним не состоялась, так как в апреле 1985 г. Чусовской суд Пермской области своим определением от 3 апреля 1985 г. перевел Бегуна на тюремный режим. Для ознакомления с уголовным делом нужно было ехать во Владимир в областной суд, который судил Бегуна. А у меня долгое время не было возможности выехать на несколько дней из-за ряда длительных процессов. Такая возможность появилась в конце 1985 г. и в декабре обратился во Владимирский областной суд, повторно направлял письмо о возможности ознакомления с делом в январе 1986 г. Бегун получил ответ, что в связи с переездом суда в иное помещение такой возможности нет, поскольку отсутствует возможность предоставить надлежащие условия для ознакомления с делом. Повторно я обратился по тому же вопросу в июне 1986 г. Выехать я планировал в конце лета. Ответ был положительный. По ряду причин выезд так и не состоялся, но о причинах позже.

Для начала я хотел ознакомиться с приговором по делу Бегуна, вынесенного в 1983 г. Такая возможность у меня появилась. Чтение приговора вызвало мое огромное удивление. Меня удивил не факт

отказа подсудимого от адвоката, а содержание приговора. В нем описаны его действия, название его статей, обращений. Указано на клеветническое содержание статей, обращений, но нет содержания ни одной из них и на чем основан вывод о их антисоветском содержании. В вину Бегуну ставится участие в симпозиумах, дача интервью, рассылка различных материалов. Но почему они враждебны нашему строю, в чем заключается клевета на этот строй, в чем враждебность других действий Бегуна доказательства не приведены. Ему в вину ставится даже награждения его наградами различных заграничных организаций. Его обвинили и в использовании статьи Солженицина "Жить не по лжи", которая в приговоре названа антисоветской.

Доказательством антисоветской деятельности Бегуна суд счел и использование им при даче интервью ссылок на книгу Солженицина "Архипелаг Гулаг", которая также названа в приговоре антисоветской.

За все это суд признал Бегуна виновным в проведении антисоветской агитации и пропаганды, в целях ослабления и подрыва Советской власти.

Для меня не было секретом, как идет процесс воздействия на того или иного человека, действия которого противоречат социалистической советской доктрине.

Сначала с ним беседуют, предлагают прекратить соответствующую деятельность.

Если не действует, то начинается критика на работе, затем или увольняют, или вынуждают уволиться. Именно так было с кандидатом технических наук Бегуном. Поскольку это не оказывает нужного воздействия, его лишают возможности устроиться на работу, соответствующую его знаниям и образованию. Еще позднее, если человек не меняется, его привлекают к уголовной ответственности за тунеядство и высылают (как в случае Бегуна) из Москвы. Поскольку он стремится приезжать в Москву, то со временем его вновь осуждают за нарушение этих правил проживания и снова ссылка. И если поведение все равно не меняется, тогда возбуждается уголовное дело по антисоветской агитации и пропаганде и в вину ставится весь

период, которым им занималось КГБ. При этом учитываются и обе судимости, которые как бы не связаны с этой антисоветской деятельностью. Таким путем Бегун и осуждается к 7 годам лишения свободы.

В связи с данным уголовным делом у меня к Бегуну появились вопросы, которые следовало решать с ним. Возникла необходимость в новой встрече.

В этот период у меня появилось новое обращение посетить еще одного человека, также как и Бегун осужденного по ст.70 УК РФ, но по ее 2-й части. Это был Анатолий Марченко. По поводу встречи с ним ко мне обратилась Лариса Богораз. Она пояснила, что в колонии Марченко избили представители администрации, но никаких мер к виновным не принимают. Он писал жалобы, но безрезультатно. Но он намерен добиться справедливости и "не намерен предавать это забвению" (последняя фраза из записки А.Марченко). Я вспомнил, что в начале семидесятых годов Марченко за антисоветскую агитацию судил Пермский областной суд. В книге ранее я уже об этом писал. Как раз в это время я находился в командировке в поселке Ныроб и слышал об этом деле.

Кроме указанной судимости у Марченко были и другие, так или иначе связанные с противоречиями, которые у него имелись с советской властью.

Последний раз его осудили за антисоветскую агитацию и пропаганду на десять лет лишения свободы, со ссылкой на пять лет.

Содержался он в 37 ИТК-пос." Кучино".

Кроме того, у меня была информация, что вскоре Марченко могут перевести на тюремный режим. На мой запрос о возможности посещения Марченко последовал ответ, что посещение возможно не ранее 20 октября 1985 г.

Мне стало ясно, что встреча явно не состоится, поскольку материалы по переводу его на тюремный режим, видимо, направлены в суд. Так и оказалось, определением того же Чусовского суда от 11.10.1985 г. Марченко был переведен на тюремный режим.

Л.Богораз просила меня о посещении Марченко на тюремном режиме. Это - учреждение УЭ-148/ст.4 г.Чистополь, Татарской АССР. Там же отбывал наказание и Бегун.

У меня возможность для посещения появилась только в 1986 г. По сообщению администрации учреждения, где отбывали наказание Бегун и Марченко, препятствий для посещения интересующих меня осужденных не было. И в апреле 1986г. я выехал в г.Чистополь. Но, еще до этого, послышались предупреждающие меня "звонки". Под звонками я имею ввиду предупреждающие беседы. Меня пригласил к себе председатель нашей коллегии адвокатов Г.С.Марьин. Он настойчиво просил меня не выезжать в Чистополь. Причины он не объяснял. Давал мне соответствующие рекомендации. Я пожал плечами и сказал, что не вижу оснований отказаться от выполнения своих обязанностей адвоката.

Через некоторое время Марьин вновь пригласил меня к себе. В его кабинете находился незнакомый мне человек, которого Марьин представил как подполковника КГБ. Фамилия, имя, отчество не назывались. В беседе подполковник также, как и Марьин, давал мне рекомендации отказаться от поездки в Чистополь. Но общего языка мы не нашли. Меня даже возмущало такое предложение. Вышли мы с подполковником вместе. На улице он мне сказал, что его "контора" не любит, когда у нее мешаются под ногами. И у нее есть много возможностей имеющиеся препятствия устранить. Сказал, что знает мой упрямый характер, но уверен, что мне при моем положении известного в области адвоката, уважаемого человека ссориться с его конторой ни к чему, она сломает любого. Я ответил, что не вижу оснований бояться его конторы, никакой крамолы за мной нет, бояться я никого не намерен. На этом мы и расстались.

И вскоре я уже на поезде ехал в г.Казань. В дороге я вспоминал разговор с подполковником. Но не потому что я боялся его "конторы". Меня удивила такая негативная реакция на мои посещения осужденных. Все обдумал и посчитал, что это связано со следующим: если бы я даже многократно защищал людей по антисоветским статьях на следствии или в суде, это бы никакой

негативной реакции не вызвало, поскольку в этих случаях без адвоката не обойтись, его обязаны предоставить. Если бы, однажды посетив такого осужденного, я бы больше в эти места не ездил, указанной реакции также бы не последовало.

Но когда я стал неоднократно "мешаться под ногами" это уже стало вызывать неприятную реакцию. Тем более я не отреагировал на явный намек прекратить поездки, когда меня погоняли по морозу и не дали встретиться с клиентом.

Я не отреагировал на прямые советы не вмешиваться в дела КГБ. Эта организация привыкла за много лет, что к ее "советам" все прислушиваются, а кто поступает иначе, тому приходится весьма плохо. А тут какой-то адвокат Пермского разлива вздумал пойти против этой организации, демонстрируя, что он ее не боится. Вот это уже вызвало откровенно негативную реакцию. Но о своем поведении я нисколько не жалел, давать отпор я научился, уступать там, где я был абсолютно прав, не был намерен. Но я был намерен помочь людям, которые нуждались в моей помощи. Тем более, что их упорство в отстаивании своих взглядов вызывало уважение.

В Казани я переехал на аэродром, с которого малая авиация летала, в том числе, и в Чистополь. Дело было весной, все малые грунтовые аэродромы раскисли. Поэтому полеты были только в Чистополь, где была асфальтированная полоса. Улететь в Чистополь проблемы не было.

В самом учреждении выяснилось, что Бегун заболел, его увезли в больницу и встреча с ним невозможна.

Состоялась встреча только с Марченко. Разговаривать с ним было трудно, поскольку в местах лишения свободы у него начались неполадки со слухом. У него был слуховой аппарат. Но мы быстро нашли общий язык и разговор с ним был очень интересен. Учитывая, что из-за недостатков слуха он говорил очень громко, а я от природы говорю очень громко, то записывать нашу беседу соответствующим органам было очень удобно. А то, что нас записывали у меня сомнений не было.

При беседе я выяснил, что Марченко в колонии использовали для работы в котельной, хотя по состоянию здоровья он к этой работе не годился (почти полное отсутствие слуха, болезни головы и сердца). 9 декабря 1983 г. у него был выходной, но без всяких оснований его обязали выйти на работу. За отказ поместили в штрафной изолятор. При отбирании книг к нему применили насилие, надели наручники, свалили на пол, заломили руки так, что он потерял сознание. Очнулся он с наручниками на руках. Только после того, как другие осужденные, находящиеся в соседних камерах, подняли шум, к нему был вызван медицинский работник.

Все это совершил дежурный помощник начальника колонии мл.лейтенант Волков и двое других, фамилии которых он не знает. Выслушав все это, я сразу сказал, что такое поведение сотрудников колонии не характерно для колоний, где содержатся политические осужденные. Марченко со мной согласился и сказал, что он сам с этим впервые столкнулся и его возмущает и то, что все проверяющие проводят проверку лишь бы как, не стремясь установить истину.

Я много в разных зонах слышал и правду и "басни" об ужасных избиениях. Пришел к выводу, что Марченко говорит правду, он не из тех, кто придумывает истории об избиении. Он добивается истины, которая проверяющим не нужна. А проверки проводили и сотрудники областной прокуратуры и сотрудник прокуратуры Союза. Он назвал мне фамилии лиц, которые были свидетелями этого происшествия. Некоторых из них опрашивали, некоторых нет. После этого я ему сразу объяснил, что шансов достучаться до истины почти нет. Я обращусь в прокуратуру Союза, но не рассчитываю на их объективность. Марченко со мной был согласен, но считал, что бороться нужно.

Затем мы беседовали о его деле, правда, не очень подробно. В основе его обвинения были, как я помню, пять оснований. Одним из них была статья Марченко в защиту академика Сахарова. Я удивился, почему в защиту академика выступил человек с 8-классным образованием? Он мне ответил, что с этого он начал свою статью. Причина в том, что, по его словам, когда Сахарова высылали в

Адвокат против КГБ

Горький, профессор С.Капица вел передачу по телевидению и не выступил в защиту коллеги (как и многие ученые-коллеги).

Так это или нет я сказать не могу, все это со слов Марченко. Кстати, то, что он неплохо пишет, я убедился, когда прочитал его книгу "Живи как все".

Впечатление на меня Марченко произвел самое положительное, его было очень жаль, поскольку шансов выйти живым из колонии было мало из-за его состояния здоровья. Вернувшись в Пермь, я направил соответствующую бумагу в Прокуратуру Союза. Просил не направлять ее для проверки в областную Прокуратуру, поскольку они этим уже занимались. Но результат был обычный. На проверку мое сообщение было направлено в Пермскую областную прокуратуру. Ответ оттуда был заранее известен.

Вскоре пошли слухи, причем не на пустом месте о возможной амнистии для лиц, отбывающих наказание по "политическим" статьям.

Поэтому дальнейшей борьбы по делам и Бегуна и Марченко не было, надежда на амнистию была не беспочвенная.

В 1987 г. такая амнистия вышла. Но Анатолий Марченко не дожил до освобождения три месяца.

Иосиф Бегун вышел на свободу. Но там его успело облить грязью советское телевидение в программе "Позиция" 28 октября 1987 г. Главным редактором этой программы и ведущим являлся Генрих Боровик. В этой передаче Боровик говорил об антисоветской деятельности Бегуна, выставлял последнего в самом неприглядном свете. Не собираюсь анализировать эту передачу, но обращает на себя внимание такой нюанс: в вину Бегуну ставилось даже то, что он, имея разрешение на выезд из СССР, не уезжает.

Позднее Бегун все же уехал из СССР. Но к моменту выхода амнистии мне самому пришлось вступить в борьбу за право оставаться адвокатом. Предостережение подполковника КГБ вступило в действие.

НАПАДЕНИЕ НА МЕНЯ НАЧАЛОСЬ

Мы никогда не ждем неприятностей, но когда они нас находят, величина этих неприятностей далеко не сразу становится известна. Некоторые события, которые, как потом становится известным, являлись предвестником этих неприятностей, просто проходят мимо нашего внимания.

Так произошло и со мной. Однажды мне позвонила моя бывшая теща, теща №1. В этот период времени у меня уже был второй брак. С прежней женой мы почти не общались. Общение имело место с сыном и с некоторыми родственниками моей бывшей жены. На первом месте по общению среди этих родственников была бывшая теща.

В телефонном разговоре бывшая теща поставила меня в известность, что с ней и с бывшей женой разговаривали корреспонденты областной газеты "Звезда".

Их интересовали почему-то характеризующие меня данные. Для чего им это было нужно они не говорили. Бывшая жена на эту тематику разговаривать отказалась, а бывшая теща с удовольствием вступила в разговор и подробно рассказала какой у нее был великолепный зять. Я поблагодарил бывшую тещу за это сообщение, сказал, что мне ничего неизвестно для чего корреспондентам нужны мои характеризующие данные.

Обращаю внимание на то, что гораздо позднее правдивость рассказа моей бывшей тещи подтвердили и сами корреспонденты. Никакого значения я полученной информации не придал. С прессой, в том числе и с корреспондентами "Звезды", я общался очень мало, выяснять причину их интереса ко мне не стал.

В свое время в газете "Звезда" я прочитал небольшую заметку ее корреспондента о том, как в городе Чайковском нашей области сотрудники уголовного розыска оперативно раскрыли кражу и что за совершение этой кражи на значительную сумму виновные уже осуждены.Я знал об этом преступлении, потому что защищал одного из фигурантов этого дела. Причем сотрудники уголовного розыска к раскрытию этого преступления были ни при чем, а в суде

значительный размер кражи не подтвердился и виновные были осуждены за совершение мелкого хищения. Затем я в одной командировке случайно познакомился с автором указанной заметки. Я сказал, что понимаю, что в работе журналиста не соврать невозможно, но как можно в десяти строчках восемь раз переврать? На это я получил ответ, что с самим делом корреспондент не знакомился, информацию он получил от работников уголовного розыска, информация оказалась не совсем верной.

Во втором случае я сам выдал корреспонденту "Звезды" информацию на очень интересную тему. Меня в городе Кизел познакомили с интересным человеком. На его груди я увидел много орденских колодок, а выше висели по-моему две награды очень похожие на звезды Героя Советского Союза. Но форма звезд была какая-то иная. Знавший его мой друг рассказал мне, что этот человек с 1942 по 1945 г.г. служил по заданиям польской разведки и разведки Красной армии в немецкой разведке (в Абвере). В 1945г. он по заданию нашей разведки ушел на Запад. В 1946г. его отозвали, обвинили в измене и осудили на 10 лет. Вот таким путем судьба забросила его в Кизел. Потом его реабилитировали. Поляки его потеряли, а он у них был награжден высшими наградами, на груди у него я и видел награду Герой Польши. Наши награды, высшая из которых была орден Ленина, были ему также возвращены. Жизнь у него не сложилась, была весьма трудной. Когда поляки его нашли и пригласили в Польшу, то у него не оказалось даже приличного костюма для поездки. Эти вопросы, правда, решил Горисполком. Мне очень хотелось с ним побеседовать, но я вернулся в Пермь и встреча не состоялась. Как-то в разговоре с корреспондентом "Звезды" я вспомнил об этом человеке, рассказал о нем для того, чтобы об этом человеке написали статью. Но тут я получил странный для меня ответ, что им на эту тематику и человеке такого уровня писать не разрешат. Так ничего из моей идеи не вышло.

Больше у меня контактов с прессой не было. После разговора с бывшей тещей я занимался своими делами и об этом телефонном разговоре даже не вспоминал. Но затем пришлось этот разговор

вспомнить, когда 23.11.1986 г. в газете "Звезда" появился фельетон под названием "Берут - потому что дают". В числе других фактов в фельетоне писалось обо мне, со ссылкой на заявление гражданина П., с которым корреспонденты встречались лично. Гражданин П. писал в, что сверх гонорара передал адвокату 100 руб. В фельетоне указывалось, что за это "имеется реальная перспектива у адвоката не по своей воле покинуть стены коллегии адвокатов".

Авторами фельетона были корреспонденты "Звезды" А.Куличкин и И.Садриев.

Поскольку указанная областная газета являлась еще и органом обкома КПСС, то данная в ней публикация, позорила меня на всю область, для многих являлась истиной. Из текста явно следовало стремление к тому, чтобы я был вынужден покинуть коллегию адвокатов. Я, прочитав фельетон, сразу вспомнил разговор с бывшей тещей и понял, что эта статья давно готовилась.

Кто этот гражданин П. я, конечно, сообразить не мог. Но вскоре все прояснилось. Мне позвонил бывший коллега Георгий Киров. Жора мне сказал, что П. - это Постаногов, его дальний родственник, которого я по его просьбе защищал полтора года назад. Он же мне по моей просьбе дал и адресные данные Постаногова и его супруги, которая также писала заявление по данному факту. Я поднял свое досье и вот они: Постаногов Валерий Александрович, 1960 г.р. и Постаногова Нонна Владимировна, 1961 г.р. Мне это было нужно совсем не для встречи с Постаноговыми, а для привлечения их к уголовной ответственности за клевету.

В жизни человека бывают случаи, когда он чем-то оскорблен, его самолюбие задето, хочется немедленно отомстить мерзавцу, оговорившему его. Вот в таком случае необходимо иметь выдержку и сгоряча не делать глупостей. Но даже я, опытный адвокат, в такой ситуации не проявил нужной выдержки.

К чему приводит отсутствие должной выдержки я убедился, будучи еще 18-летним молодым человеком. Однажды в цехе один наш рабочий, который был гораздо старше меня, рассказал мне, что в годы войны они тренировались бросать ножи. Потом так

натренировались, что великолепно бросали в цель и ножи и другие предметы, если они были хоть немного заострены. Рассказывающий был уже человек весьма полный и не производил впечатление человека, умеющего делать броски, о которых он рассказывал. Я, улыбаясь, выразил мнение, что он шутит. Мой собеседник по натуре был человек горячий, его так возмутило мое недоверие, что он, схватив попавшийся ему под руку огромный напильник без ручки, швырнул его в дверь, которая, кстати говоря, находилась от нас метрах в десяти. Напильник вонзился в дверь и достаточно глубоко. В этот же момент дверь открылась, вошел начальник цеха, что-то спросил и, получив ответ, ушел. Я увидел страшно бледное лицо своего собеседника. Подойдя к двери я с трудом вытащил напильник, а примерившись увидел, что напильник вонзился на уровне моей груди. Долго я и другие не могли успокоить рассказчика. А я на будущее сделал для себя вывод, что сгоряча нельзя ничего делать.

И вот спустя много лет я это правило нарушил. Не установив обстоятельства появления заявлений Постаноговых, я направил в Дзержинский районный суд заявление о привлечении его и его супруги к ответственности за клевету. Ошибочность этого поступка стала ясна, когда через несколько дней я встретился с Кировым и узнал детали появления заявлений Постаноговых. Оказалось, что их вызвали в милицию и там после соответствующего давления появились их заявления на имя прокурора г.Перми. При таких обстоятельствах к Постаноговым могут быть претензии по объяснению, данному в милиции, но это не является делом частного обвинения, к которым относится клевета.

Вспомнил я и обстоятельства уголовного дела, по которому привлекался Постаногов. В то время он учился в Политехническом институте и одновременно занимался спекуляцией (купил дешевле продал дороже). В настоящее время уголовная ответственность за подобные действия отсутствует, это обычная коммерческая деятельность. Но тогда это был серьезный состав преступления.

Ко мне обратился Киров и просил защищать его дальнего родственника. До рассмотрения дела в суде оставалось два дня.

Процесс был выездной, тогда практиковалось рассмотрение дела на глазах общественности, не в здании суда. Дело Постаногова рассматривалось в актовом зале политехнического института.

Мне, когда я прочитал фельетон, показалось странным, почему сумму отразили всего 100руб. Я все-таки солидный адвокат и ставить такую сумму было не очень убедительно. Узнав, что П. это Постаногов, я понял, почему указана такая сумма. Дело в том, что Постаногов на следствии и в суде объяснял свое занятие спекуляцией трудным материальным положением, отсутствием средств к существованию. Поэтому он не мог указать и большую сумму переданную адвокату, так как это шло вразрез с тем, что он говорил в суде

Меня удивило и то, что заявление, данное Постаноговым в милиции, не направлено в Президиум коллегии адвокатов. Мы с моей женой, тоже адвокатом, поняли, что идет какая-то кампания по дискредитации меня. И материалы кем-то решено направить в Президиум после публикации фельетона. Мы оказались правы и вскоре в Президиум из прокуратуры города поступили материалы в отношении меня, о получении гонорара без его соответствующего оформления. Постараюсь объяснить, что это такое. В те времена, четверть полученного адвокатом гонорара шла в Президиум на нужды коллегии. Поэтому неоформление гонорара наносило ущерб коллегии и ее адвокатам.

В настоящее время порядок совсем иной. Адвокат платит взносы в соответствующей твердой сумме, а его взаимоотношения с клиентом финансовые интересы других адвокатов не затрагивают.

Порядок, существовавший в прежние времена, делал неоформление гонорара надлежащим образом серьезным нарушением. Но это, безусловно, никакого отношения к уголовно или административно наказуемым правоотношениям не имело.

Вспоминая дело Постаногова, я вспомнил, что впервые наше общение с ним было, когда он оформлял гонорар, ну и с ним была беседа по делу. Повторно мы уже встретились через день в здании института при его защите. Рассмотрение дела в выездном процессе

имело назначение заставить других не совершать подобное, поэтому наказание, как правило, назначалось более сурововое. На свободе Постаногова суд все же оставил, но назначил наказание, которое отбывается в местах определяемых органом, ведающим исполнением приговора. В народе это называлось направлением на стройки народного хозяйства. Постаногов был не в восторге от этого наказания, но намерен был сообщить, будем ли обжаловать приговор позднее. Киров мне сказал, что он по своим каналам постарается, чтобы Постаногова оставили для работы в Перми. Буквально через день он сообщил мне, что все решил, Постаногов остается в Перми и обжаловать приговор не нужно. Одновременно он сказал и о том, что из института Постаногова исключили. Последнее сообщение меня не удивило, поскольку это не вызывало сомнения. Для того времени это было обязательное действие.

Когда я узнал о поступивших материалах, то сразу узнал, что проверку поручено проводить члену Президиума Вячеславу Голубеву. Но тут же последовало и другое сообщение - проверку будет проводить заместитель начальника отдела юстиции В.Глебов. Меня не удивило, что проверку проводит отдел юстиции. Меня удивило другое - проверку проводит не сотрудник отдела юстиции, а заместитель начальника, в то время исполнявший обязанности начальника отдела юстиции. Мое мнение было, что это и хорошо - Глебов опытный юрист, Заслуженный юрист РФ, много лет занимался судебной деятельностью и разобраться в поступивших материалах для него будет несложно. Вскоре меня пригласил Глебов для дачи объяснения, а затем и для ознакомления с поступившими из прокуратуры материалами.

В своем объяснении я указал, откуда знаю Постаногова, при каких обстоятельствах с ним общался. Пояснил, что кроме гонорара никаких других сумм я от него не получал. Затем я ознакомился с материалами.

И сразу был страшно удивлен, что первым было подшито анонимное заявление на меня, направленное в газету "Звезда" и управление КГБ СССР по Пермской области. При чтении этого

пасквиля очень четко прослеживалась тенденция на основе извращения имевших место фактов сделать абсолютно ложное сообщение. Данное заявление направлялось адресатам еще до публикации в газете.

В заявлении указывалось, что вопреки мнению председателя коллегии Сидорова меня соответствующая группировка протащила в коллегию. Было мне даже смешно это читать, ведь прием в члены коллегии без желания ее председателя невозможен. Не такой человек был Юрий Никифорович Сидоров, чтобы в коллегию поступали вопреки его желанию. В числе группировки, якобы протащившей меня в коллегию, указывались в основном адвокаты не являющиеся членами Президиума и никакого отношения к приему в члены коллегии не имевшие. Более того, я никого из них в тот период времени не знал.

Мой перевод в г.Пермь автор заявления считал действиями той же группировки. В то время Ленинскую юрконсультацию, куда меня перевели, возглавляла Антонина Игнатьевна Соловьева, член Президиума, без мнения которой никого к ней не направляли. Именно по ее предложению меня и направили именно в Ленинскую ЮК.

Далее автор пасквиля обвиняет меня во всех смертных грехах при защите клиентов. В том, что я выезжал в места лишения свободы к лицам осужденным за "крупные государственные преступления". Отсутствие подписи аноним объяснил тем, что я не дам этому простому человеку жить спокойно.

Анализируя этот пасквиль, мы с женой независимо друг от друга поняли, что писал член коллегии, причем не рядовой, а работающий в коллегии много лет, знающий какие дела я проводил и куда ездил. Сошлись мы и в мнении, кто предположительный автор заявления.

Нам было известно, что дочь данного автора, тоже работает в коллегии. Пишу о дочери автора, потому что заявление было написано женским почерком. Спустя длительное время, когда представилась возможность заявление показать нашей коллеге, длительное время работавшей с дочерью анонима, то ее ответ был безусловен - это ее почерк.

Ни с анонимом, ни с его дочерью мы на тему заявления никогда не разговаривали, это осталось на их совести. Причина написания такого заявления для нас осталась тайной, можно только предположить, что имела место простая человеческая зависть. Прошли годы, аноним и его дочь уехали из нашей страны.

Продолжая знакомиться с материалами проверки, я прочитал заявления Постаногова и его жены, где указывалось о передаче 100руб. в два приема — 50 руб. в консультации и 50 руб. у меня в квартире. Датированы эти объяснения были 10.04.1986г. Причем написаны эти заявления не на имя начальника отдела милиции или прокурора района, а на имя Прокурора города Перми. В заявлении они указывают, что решили написать заявления сами по своей инициативе. Из текста заявления следовало, что они были у меня дома. Затем я прочитал объяснения Постаноговых данные ими 31.10.1986г. следователю городской прокуратуры. Там описаны те же события, но гораздо более подробно. Затем я ознакомился с объясненими Постаноговых данными в отделе юстиции. Там уже они дают описание нашей комнаты, где они передали деньги.

Из обстановки они вспомнили два кресла, журнальный столик, телевизор, диван, ковер. Указали они и окно в этой комнате, а также расположение квартиры. Как сказал один мой коллега, часто бывавший у нас, описание обстановки Постаноговыми для человека ее хорошо знающего позволяет сделать вывод, что такое описание делает человек или с чьих-то слов или, если эту обстановку он видел из двери квартиры.

Я потом убедился в правоте этого человека, поскольку от двери в самом деле видны два кресла, ковер, телевизор. Я прекрасно понимаю, что запомнить расположение квартиры, обстановку комнаты через полтора года сложно. Но перепутать журнальный столик с большим столом и большими с яркой обивкой стульями невозможно. Тем более, что подобный стол и стулья были редкостью в те времена и должны были "врезаться" в память. У Постаноговых явно не было информации о квартире, поэтому расположение комнат указано абсолютно неправильно. При объективной оценке пояснений

Постаноговых по описанию квартиры, комнаты не вызывает сомнений вывод, что они сами в этой квартире не были. Я так подробно рассказываю о пояснениях Постаноговых, расположении квартиры, мебели в комнате, чтобы стало понятно, как в ряде случаев по уголовным делам не обращают внимания на очевидные доказательства, свидетельствующие о правдивости привлекаемого лица. В моем случае не было уголовного дела, но отсутствие объективности, как это будет видно в дальнейшем, не вызывает сомнений.

Я не сомневался ,что лживость представленных материалов для опытнейшего юриста Глебова будет безусловной. Более того, у меня появилась абсолютно точная информация, что в период с апреля по октябрь 1986г. были проверены 116 уголовных дел, защиту по которым осуществлял я. Для чего проводить огромную и длительную оперативную работу по делу, где заведомо отсутствует состав преступления? Значит, кому-то было нужно любым путем представить данные, которые позволили бы убрать меня из коллегии.

Я четко знал кому: ранее товарищ подполковник не скрывал такой возможности, огромная проверка проводилась по указанию сотрудников КГБ, о чем меня поставили в известность (конечно, не сотрудники КГБ).

Сказать об этом официально я не мог - подполковник мои слова не подтвердит, а другие источники я не мог назвать, поскольку информацию получил при условии ее неразглашения.

Я ознакомился с материалами проверки и считал, что на этом инцидент будет исчерпан. Правда, у меня были сомнения связанные с тем, что меня Глебов знакомил с материалами.

Ведь, если он собирался не подтверждать правдивость опубликованных в фельетоне фактов, то знакомить меня с материалами незачем. Но я эти сомнения отбросил, поскольку к этому времени я поднял документы и убедился, что в день, когда Постаногов по его утверждению передал мне в консультации деньги меня вообще не было весь день даже в г.Перми, я был в командировке в г.Кунгуре. Об этом я сообщил Глебову и сказал, что

документальные доказательства своего сообщения я ему представлю чуть позже. Он считал, что для выводов имеется и так достаточно данных.

Сейчас необходимо рассказать об этих документальных доказательствах. В жизни бывает так, что происходят события, которые нам кажутся плохими, невезучими, но по происшествии времени оказывается, что в то день нам неимоверно повезло. Дата передачи денег по словам Постаногова была известна - на следующий день после оформления соглашения в первой половине дня. Эта дата известна по оставшемуся корешку квитанции, который хранился в архиве консультации. Там же находились и мои регистрационные карточки, которые в те времена мы заполняли. В карточке отражена дата проведения дела в Кунгуре. После этого я отправился в бухгалтерию, где сохранились билеты и командировочное удостоверение. Выехал из Перми в 9-00, выехал из Кунгура в 17-20. Плюс 2 часа на дорогу. Таким образом, Постаногов никак со мной в юрконсультации не мог встретиться, тем более в первой половине дня.

Может возникнуть вопрос - причем здесь везение?

Поясняю. В те годы в нашей консультации заведующая ввела жесткий порядок: если мы в командировку едем на общественном транспорте, то представление оправдательных документов обязательно. Это правило не касалось случаев, когда клиент привозил и увозил адвоката на своем или нанятом транспорте.

Когда ко мне обращались клиенты о проведении дел в районе, я сразу ставил условие - привести и увезти на автомашине. Так мы определились и с клиентом из Кунгура. Но случилось непредвиденное - автомашина сломалась и ехать за мной было не на чем.

Сообщил он мне об этом в конце дня. Пришлось срочно бежать на автовокзал и купить билет на автобус. Обратно меня должны были увезти на автомашине, но снова что-то не сложилось и пришлось возвращаться автобусом. Я был страшно зол и считал, что мне крупно не повезло. И только в 1986 г. я понял как мне повезло, случись иначе, я бы не мог документально доказать, когда я выехал из Перми.

И именно эти документы позднее станут основными доказательствами моей правдивости.

При мне Глебов звонил в редакцию и интересовался, остается ли в силе договоренность об оставлении для него места в газете. Мне в голову не приходило, что идет разговор, касающийся меня.

На следующий день я прочитал в газете "Звезда" сообщение Глебова по проводимой проверке. Сообщение было ужасным. По утверждению Глебова все указанное в фельетоне в отношении меня соответствует действительности, показания Постаноговых подтвердились, тем более, что они указали мельчайшие детали, подтверждающие нахождение их в моей квартире.

Такое поведение Глебова было мне и моей жене абсолютно непонятным. Думали, что с ним сумели договориться соответствующие лица. Иначе для чего нужно извращать очевидные факты, например, о мельчайших деталях.

Действительность оказалась более прозаичной. После публикации ответа Глебова я получил абсолютно точную информацию. Глебов являлся заместителем начальника отдела юстиции. В силу возраста место начальника отдела ему не светило, да и начальник отдела быть гораздо моложе его. Но он был человек из "обоймы", устроить которого на соответствующее место было неписанной обязанностью. Ему было предложено место Председателя областной коллегии адвокатов. Действующему Пермской Председателю было предложено освободить место. Все это должно было произойти на ближайшем собрании адвокатов коллегии. То, что это было выгодное место, особенно перед пенсией, сомнений не вызывает. Самостоятельность, зарплата Председателя плюс адвокатские гонорары. При таком раскладе заявить, что орган обкома и целый ряд других органов неправы, означает потерю весьма выгодного предложения. Данная информация потом полностью подтвердилась и на ближайшем адвокатском собрании Глебов стал Председателем коллегии адвокатов.

Как мне потом некоторые говорили, оправдывая действия Глебова: "Ну, ты же понимаешь. В той ситуации у него не было выхода. Да и пенсия была не за горами".

Стало понятно, почему Глебов торопился с публикацией своего ответа. Уже была известна дата заседания Президиума, на котором будут рассматривать материал в отношении меня, который туда представил Глебов. Мнение авторитетного человека, каким был Глебов, опубликованное в органе обкома КПСС должно было повлиять на мнение членов Президиума при голосовании по вопросусовершил ли я указанное нарушение или нет.

Этим предрешался и второй вопрос - быть мне адвокатом или нет. Причем ответ подавался не как личное мнение Глебова, а как мнение отлела юстиции облисполкома.

Через определенное время у меня появилась возможность ознакомиться с протоколом заседания коллегии отдела юстиции, где с мнением Глебова все члены коллегии согласились.

Расчет Глебова в определенной степени оправдался. Как потом мне говорил один из членов Президиума, голосовавший против меня, он голосовал именно так, доверившись мнению очень авторитетного для него человека.

На заседание Президиума по инициативе Глебова и Марьина были приглашены супруги Постаноговы. При этом, желая исправить свою путаницу при описании обстановки в нашей квартире, супруга Постаногова пояснила, что был большой стол, а не журнальный столик. Она это вспомнила, что деньги она несла в кулаке, так как ей не куда было их положить за отсутствием карманов, и в квартире деньги она положила на этот стол.

У читателя также, как у тех, кто слушал Постаноногову, сразу возник вопрос: "Если у женщины нет карманов, то зачем нести деньги в кулаке, если рядом муж, а у него карманы в одежде имеются?" Вопрос и был задан, но ответа не последовало.

Само же заседание проходило бурно. Против меня активно выступал Председатель коллегии Марьин. Для меня было непонятно - почему? Свою позицию он ничем не обосновал и причину такой

активности я от него самого узнал через несколько лет (ну, об этом позднее). Одна из членов Президиума голосовала против меня, мотивируя это тем, что "когда в суде докажете свою правоту, тогда и возвращайтесь". Еще один член Президиума голосовал против, мотивируя это тем, что я не обращался за установлением истины в партийные органы.

За меня голосовала В.Г.Стрельникова, Я.Лемкин, В.Голубев и А.А.Белых. Причем, если первые трое обосновали свою позицию доказательствами моей невиновности и приводили их, то Алексей Алексевич Белых (бывший член областного суда, заведующий одной из ЮК г.Перми) напрямую называл представленные материалы подтасовкой фактов, а поведение Глебова желанием эту подтасовку поддержать из своей личной выгоды.

Одна дама - член Президиума - из-за болезни присутствовать на Президиуме возможности не имела. Получилось четыре на четыре, решение принято не было. Решение моего вопроса было перенесено на следующее заседание Президиума.

К этому времени я уже обратился с исковым заявлением в Мотовилихинский суд г.Перми о защите чести и достоинства, но до рассмотрения дела по существу было далеко.

Для широкой публики я оставался, исходя из газетных публикаций, подтвержденных мнением отдела юстиции, человеком, совершившим нечистоплотный поступок, некрасиво я выглядел и в глазах тех, с кем мне приходилось сталкиваться в процессах.

Мы с женой обсудили сложившуюся ситуацию. Мы не боялись решения Президиума, больше было за то, что большинство меня поддержит. Член Президиума, которая отсутствовала на заседании Президиума, - это Е.Лаврентьева, человек безусловно порядочный, грамотнейший юрист, против истины, объективных доказательств она не пойдет. Но, тем не менее, мою работу адвокатом до принятия судебного решения в сложившейся ситуации мы с женой сочли невозможной.

Я написал заявление в Президиум об увольнении по собственному желанию, мотивируя это тем, что до восстановления

своего честного имени не считаю возможным работать адвокатом. Заявление было удовлетворено. Нужно было готовиться к судам, куда я обратился за восстановлением истины.

БОРЬБА ЗА ИСТИНУ

Но до начала борьбы следовало решить насущные вопросы. Я имею ввиду - устроиться на работу. Вначале все было просто. Буквально сразу после моего увольнения ко мне обратился заместитель директора завода им.С.М.Кирова (ныне "Пермский Пороховой Завод").

Мне была предложена должность начальника юридического бюро. В перспективе руководство завода наметило создание юридического отдела и возглавить его тоже должен был я. Я сразу объяснил, что у меня нелады с КГБ, а у них предприятие оборонного ведомства и без санкции КГБ допуск мне не дадут. Мне было сказано, что они этот вопрос решат. Но это было явно слишком торопливое заявление. Прошел почти месяц и вопрос решен не был. Стало ясно, что его не смогут решить. Мне это сообщили, да и я это понял. В тоже время почти истек месячный срок с момента увольнения и я мог потерять непрерывность стажа. Пришлось буквально в течение 1-2 дней устроиться юристом на обслуживание двух совхозов. Правда, ненадолго. Вскоре меня пригласили работать юристом на завод, где допуск не требовался. На этом заводе я проработал полгода.

Одновременно с устройством на работу следовало решить и вопрос с уголовным делом, которое было возбуждено по моему делу в Дзержинском районном суде г.Перми.

Узнав, как появились заявления Постаноговых, я уже понимал, что привлечь их к ответственности за клевету не удастся, поскольку нет факта распространения.

Кроме того, я уже имел достаточно сведений о том, что Глебов принимает массу мер к тому, чтобы дело было рассмотрено так, как это нужно ему.

Мы обсудили эту ситуацию с женой. Понимали, что после исследования всех представленных доказательств, Постаноговых все

равно не осудят, поскольку за клевету их осудить невозможно. Я зря представлю свои доказательства, а вот моим противникам эти доказательства станут известны раньше нужного мне времени.

Пришли к выводу, что нужно просить о прекращении дела, поскольку отсутствует распространение лживых сведений. Так и пришлось сделать, дело было прекращено.

Пока я в суде ожидал результата рассмотрения моего заявления, ко мне обратился Постаногов. Он пояснил, что не мог поступить иначе. Объяснил в каких тяжелых условиях он работает и как для него важно раньше освободиться. Я молча выслушал и ничего не ответил - говорить было нечего.

Прошло некоторое время и я получил извещение, что гражданское дело по защите чести и достоинства, касающееся меня, из Мотовилихинского суда направлено в суд Орджоникидзевского района г.Перми. Для меня это не было неожиданностью. В Мотовилихинском суде я в то время проводил много дел, сталкивался неоднократно со всеми судьями. В этом же районе работала адвокатом моя жена.

Исходя из этого, судьям этого района рассматривать мое дело было не очень удобно.

Спустя еще некоторое время я узнал, что дело передано для рассмотрения судье Зеленину.

Этого судью я вообще не знал. От коллег слышал, что это неуправляемый даже свыше судья и абсолютно непредсказуемый.

В этот момент, узнав это, я решил, что дело при таком судье будет рассмотрено абсолютно объективно. Мне даже пришла мысль, что Глебов и другие решили дальше не вмешиваться в это дело и не мешать его правильному рассмотрению.

Потом мне стало смешно от таких мыслей. Иногда и опытные в жизни люди, заранее умеющие предугадывать последующие события, ведут себя смешно, как будто у них нет никакого жизненного опыта, надеются на то, чего заведомо не будет.

Мои мысли рассеялись почти сразу. За день до начала рассмотрения дела стало известно, что дело у Зеленина забрали и

передали для рассмотрения судье Широковой Т.П., прежнее место работы которой было - отдел юстиции под руководством Глебова.

Наши с женой надежды на справедливое рассмотрение оказывались ошибочными. Но готовиться и бороться было необходимо, несмотря ни на что. Пришлось подготовить ряд документов. Так, у меня появились копии квитанции и регистрационной карточки по делу Постаногова. Они подтверждали уплату им гонорара за защиту 25.06.1985 г. Это и есть первый день встречи с Постаноговым. Как он утверждает, на следующий день после уплаты гонорара он, придя в консультацию в первой половине дня, передал еще деньги.

Следующий день - 26.06.1985 г. По регистрационной карточке и командировочному удостоверению - это день проведения дела в г.Кунгуре. Плюс копии автобусных билетов с выездом из Перми в 9-00 и выездом из Кунгура в 17-20. Вернуться в Пермь раньше 19 часов я никак не мог. Подготовил я и документы о защите Постаногова в уголовном процессе, который состоялся 27.06.1985г. У всех после ознакомления с этими данными появляется удивление - что тут проверять.

И так ясно, что Постаногов врет, не мог он встретиться со мной днем, так как меня не было не только в консультации, но и в городе.

Но, к сожалению, зачастую очевидные обстоятельства не действуют, если кому-то это очень нужно.

В это же время моя жена и ряд моих знакомых обратились ко мне с предложением, чтобы в суде мои интересы представлял кто-то другой. Их доводы безусловно имели под собой веские основания. При этом не имелось в виду, что я недостаточно опытен, недостаточно юридически подготовлен. И я сам с высоты своего опыта понимал, что по такому делу представлять самому свои интересы очень сложно. Это касается и выступления по делу и постановке вопросов, анализе доказательств. Здесь все заключается чисто в психологии человека, которому выступать в своих интересах неимоверно трудно. Но, понимая во многом правильность предложения, я с ним не согласился.

В эти дни мне позвонил мой клиент К. О его деле необходимо остановиться очень подробно. В 1983 г. ко мне обратился с просьбой о защите сына его отец. Семья К. очень интеллигентная, далекая от всякого криминала. И с К. до определенного времени проблем не было. Закончил школу, поступил в ВУЗ, учился на 5-м курсе. А дальше как прорвало. Одна за другой три судимости и все за серьезные преступления.

Немало времени он провел в местах лишения свободы. Вернулся домой последний раз в 1982г. Вскоре поссорился с домашними и жил где-то у своих знакомых. Затем вообще уехал из города, родным не писал и не звонил, где он был они не знали.

Вскоре после его отъезда из города к ним приходили из милиции, интересовались К. Но семья о нем ничего не знала. Только в 1983г. К.появился вновь. Ему сообщили, что им интересовалась милиция. Он почти сразу пошел туда узнать в чем дело.

Обратно он не вернулся. Отцу сообщили, что сын арестован, привлекается к уголовной ответственности за избиение мужчины, который от этих побоев умер.

До встречи с К. я беседовал со следователем. Тот не сомневался в виновности К. Непризнание К. своей вины следователь считал формой защиты и по предыдущим делам К. не признавал то, что совершил. К. мне рассказал, что с потерпевшим по этому делу Р. он вместе отбывал наказание. Нередко защищал Р. и после освобождения тот предложил у него жить. Р.он не избивал. С середины октября и до конца октября он находился в г.Лысьва нашей области.

Обвинение К. было предъявлено в том, что он в начале октября 1982 г. избил Р. А уже в ноябре от этих побоев Р. умер. В те годы такое совершенное квалифицировалось по ст.108ч.2 УК РСФСР, как причинение тяжких телесных повреждений приведшее к смертельному исходу. Срок за это был от 5 до 12 лет лишения своболы.

Из материалов дела следовала следующая картина: К.избил Р. в начале октября. После этого Р. в течении нескольких недель не мог вставать и принимать пищу. Двум своим знакомым он рассказывал,

что его избил К. По словам этих и других лиц К.отличался крайней невыдержанностью, грубостью, вспыльчивостью. Меня, естественно, интересовали отношения между К. и этими двумя свидетелями.

По протоколам их допросов, следовало, что с одним отношения "оставляют желать лучшего", а с другим они враги.

Затем я прочитал показания племянника Р., который с ним встречался во второй половине октября, но никаких следов побоев у Р. не было и на избиение он не жаловался.

Свидетельством совершения К. избиения Р. по делу считался его неожиданный отъезд сразу после смерти Р.

Следователь считал, что именно К.избил Р. именно в начале октября, поскольку об этом же указывалось в акте судебномедицинской экспертизы. Читал я акт СМЭ очень внимательно. Мне очень хотелось узнать на основании каких признаков установлено время избиения. Сам по себе факт избиения в начале месяца, а смерть от этого избиения через месяц не является странным. У медиков есть такое понятие, как "светлый период", когда после избиения внешние факторы проходят, человек чувствует себя хорошо и "темный период", когда наступает резкое ухудшение состояния здоровья и нередко человек умирает.

Так вот, читая акт СМЭ, я не находил пояснений о признаках, на которых строится вывод эксперта. Налицо были лишь теоретические рассуждения и ни одного конкретного факта.

Обратил я внимание и на стаж работы эксперта - один год. Затем я сумел установить, что данный эксперт самостоятельно производил первый осмотр и акт его первое творение.

Отъезд К. из города со смертью Р. не был связан, здесь простое совпадение. Уехал К. из города после серьезной ссоры с родными.

В своем ходатайстве поданным следователю после ознакомления с материалами дела о выполнении ряда следственных действий я исходил из того, что следователь изначально и затем на протяжении всего следствия проверял только одну версию, хотя их было, по меньшей мере, еще две.

Но, самое главное, я считал необходимым провести дополнительную медицинскую экспертизу для установления времени избиения Р., поскольку в данной экспертизе вывод ни на чем не основан.

Следователь, как это часто бывает, удовлетворять мое ходатайство не стал и направил дело прокурору. В таких случаях мы не дожидаясь ответа следователя, пишем жалобу прокурору. Адвокат не ждет ответа следователя, так как до получения ответа дело уже может оказаться в суде. Все это далеко не всегда приносит пользу, но по настоящему делу принесло. Прокурор вернул дело следователю. Причем дело не в какой-то особой объективности.

Заключение эксперта было настолько не мотивированным, что в суде экспертизу все равно бы назначили. И если выяснится, что Р.был избит во второй половине месяца, то К. невиновен. В деле было достаточно доказательств о том, что во второй половине месяца К.находился далеко от г.Перми и пробыл там до конца месяца.

Следователь пригласил меня и мы совместно обсудили вопросы экспертам (намечалась комиссионная экспертиза)

Еще позднее я узнал, что эксперты настаивают на эксгумации трупа Р.(извлечь и самим осмотреть). Это было выполнено.

А еще через некоторое время они дали заключение о том, что смерть наступила от повреждений, причиненных непосредственно не более чем за три дня до смерти. К. был тут же освобожден из под стражи, поскольку в этот промежуток времени он с Р. не общался.

Если кто-то думает, что в отношении К. уголовное дело прекратили, то он глубоко ошибается. Следователь отправил дело в Москву, чтобы заключение дали эксперты Главного Бюро судебной медицины. Прошло достаточно длительное время. Пришло заключение из которого следовало, что "давность повреждения с достоверностью не установлена из-за отсутствия клинического наблюдения Р. и невозможности повторного гистологического исследования". Но эксперты не исключили возможность получения Р. побоев в первой половине месяца. Дело было тут же направлено в суд. Следователя, прокурора уже не интересовали и дополнительные

данные о том, что в середине месяца Р. был не избит и на таковое не жаловался (об этом поясняла его близкая родственница). То, что эксперты из Москвы явно не мотивировали возможность нанесения Р.побоев в первой половине месяца, также было оставлено без внимания.

Для адвоката всегда сложно заявлять ходатайства так, чтобы не навредить своему подзащитному. Но к этому периоду я уже был уверен в полной невиновности К. и поэтому заявлял все ходатайства, которые были необходимы.

В частности, я был убежден в необходимости проведения еще одной экспертизы, только поначалу было неясно, кто ее сможет провести. В Перми проводили самые опытные эксперты. В Москве тоже, там под экспертизой указаны такие звания экспертов и их занимаемое положение, что выше уже некуда.

Но все возможно, если у суда есть желание найти истину. У Р. имелись повреждения груди и лица. Вот и были приглашены узкие специалисты в этих областях - профессора, доктора наук. С ними вместе проводил экспертизу и заведующий кафедрой судебной медицины медицинского института Борис Семенович Касаткин.

Необходимо заметить, что если на определенной стадии дело К.расследовалось если не без ошибок, то без нарушений уголовно-процессуального кодекса. А когда недоработки восполнить стало невозможно, то пошли методы получения доказательств, полученные с заведомыми нарушениями. Соседка Р. - женщина старая и очень больная, ранее по делу ничего не могла пояснить, так как никуда не выходила, слышит плохо, ничего о жизни соседа не знает. И вдруг появились ее показания изобличающие К. Расчет был явно рассчитан на то, что эти показания проверить невозможно: в суд она придти не сможет.

Тогда показания ее огласят. Появился новый свидетель, который в 1986г. (через 4 года) вспомнил, что в начале октября 1986г. встретил избитого Р., который жаловался на его избиение К. Пусть читатели учтут, что оба свидетеля обвинения поясняли, что Р.с начала и до конца октября не мог ходить и никуда не выходил.

Проведенная в суде экспертиза расставила «все точки над и».

Была исключена вероятность избиения P. в начале октября, и этот вывод был обоснован ссылками на объективные факторы. Их описывать не вижу смысла, чтобы читатели потом не лишились сна.

Б.С.Касаткин заявил в кулуарах, что это заключение, когда будет в Москве, он покажет своим коллегам, как подтверждение того, как в Перми умеют проводить судебно-медицинские экспертизы и мотивировать, обосновывать свои выводы.

Все это не подействовало на представителя прокуратуры. Он просил признать К. виновным и назначить ему наказание в 7 лет лишения свободы, признать К. особо-опасным рецидивистом и направить его в колонию особого режима.

Я просил К.оправдать. Суд возвратил дело на дополнительное расследование, указав, что нужно по делу сделать. Многое из этого следователь должен был выполнить еще в начальной стадии следствия.

Вроде бы все. Но, как это зачастую бывает, следствие, прокуратура стали искать пути признания К. виновным. Определение суда было опротестовано, но из этого ничего не вышло. Дальнейшие попытки остановились в прокуратуре области, которая дальше опротестовывать определение суда отказалась.

Но и этого кое-кому оказалось мало. Непосредственно по указанию тогдашнего прокурора г.Перми Степанкова (так меня информировал следователь) дело было взято на расследование в следственный отдел УВД г.Перми. Продолжил расследование тот же следователь, которого на время перевели в УВД г.Перми. Фактически никакого расследования не велось. Все это было сделано для того, чтобы прокуратура города могла направить дело в другой суд. Так и было сделано. А для подкрепления своих доводов К.арестовали. Это совпало по времени с моими неприятностями, а затем и с уходом из коллегии.

Как я уже писал мне позвонил К. и мы вскоре встретились. Оказывается, что судья Свердловского районного суда при назначении дела К. вернул его прокурору города из-за не выполнения

определения Ленинского суда. Следствие ведь ничего не сделало для выполнения указаний суда. Дело зашло в тупик. Пришлось К.освободить из-под стражи. К. рассказал мне обстоятельства, касающиеся меня. Он находился под стражей. Однажды заместитель начальника следственного изолятора привел его в кабинет, где сидел какой-то человек. Заместитель начальника представил этого человека, как майора областного УВД. Тот показал К. экземпляр газеты "Звезда", где был опубликован фельетон "Берут - потому что дают". Тут же была дана информация, что данные в фельетоне признаны достоверными и что я уже не работаю в коллегии адвокатов. К. было сказано, чтобы он на своего адвоката больше не рассчитывал и предложено подумать.

После этого К. увели. Через некоторое время К. из камеры вывел неизвестный ему сотрудник следственного изолятора. Вновь состоялась встреча с тем же майором. На этот раз их оставили наедине. Он откровенно предложил К. написать заявление о уплате денег своему адвокату без их надлежащего оформления. За это он обещал оказать К. помощь при рассмотрении его дела. К. от предложения оговорить меня категорически отказался. Выйдя на свободу он сразу позвонил мне.

Я так подробно рассказал историю К., чтобы было понятно сколько он перенес по этому делу, что ему уже грозил особый режим и длительный срок. И вот в такой обстановке он проявил высочайшую порядочность, не пытаясь для себя ничего выторговать.

Я уже давно пришел к выводу, что понятие честности, порядочности того или иного человека, не зависит от того - хороший он или плохой, судим ли он ранее или нет, находился ли в местах лишения свободы или никогда там не бывал.

Честность и порядочность - это внутреннее состояние человека. Если это есть, то есть, а если нет - то его никогда не будет. И никакие внешние факторы не могут из по натуре честного человека сделать поллеца.

Я внимательно выслушал К. и задал вопрос: "Согласитесь ли Вы все рассказанное изложить в судебном заседании?". Он, не

задумываясь, ответил, что, безусловно, согласен. Я прекрасно понимал, что после того, как К.даст свои показания, будет вызван и сотрудник СИЗО, выводивший К. к пришедшему майору, а если будет установлен майор, то и его самого.

Готовясь к судебному заседанию, пришлось очень хорошо продумать свои показания в суде, чтобы в четкой и сжатой форме понятно изложить все обстоятельства.

При этом я не собирался доказывать какой я хороший, несудимый и поэтому Постаноговы лгут. Я собирался доказывать их лживость представленными доказательствами, их анализом.

В адвокатской практике очень часто бывают ситуации, что, доказывая невиновность своего подзащитного мы проводим тщательнейший анализ доказательств, но ни слова не говорим (по ряду причин) о характеризующих подзащитного данных. Это вызывает недоумение, а то и возмущение у родственников клиентов, которые даже слушать не хотят мотивы такой тактики защиты, примененной адвокатом.

Будучи еще начинающим адвокатом, я столкнулся с таким отношением ко мне родственников парня, которого я защищал. Парень совместно со своими пятью приятелями обвинялся в 3-x совершении преступления. Bce эпизодов шестеро характеризовались исключительно положительно. Уголовное дело рассматривал Пермский областной суд. Выступая в суде я приводил ряд доказательств, свидетельствующих о том, что этот парень трижды пытался присоединиться к остальным приятелям, совершавшим преступление, но в силу сильного опьянения не смог это сделать. Изложить доказательства я старался как можно более убедительно и просил подзащитного оправдать (кстати, он свою вину частично признавал).

Но при этом я вообще не касался характеризующих парня данных, исходя из того, что остальные парни, характеризующиеся не хуже его, преступление совершили.

Когда суд ушел на приговор мои многоопытные коллеги сделали мне замечание за то, что я ничего не говорил о характеризующих

парня доказательствах. Я не успел коллегам ничего ответить, как ко мне подошли несколько женщин, в том числе мать клиента. Со слезами на глазах она сказала, что я ничего хорошего не говорил о ее сыне, в то время как о других ребятах сказали так много хорошего. Я только успел ей сказать, что я ведь просил ее сына оправдать, а хороший он или нет для доказательств наличия или отсутствия вины не имеет никакого значения. Но она только махнула рукой, наговорила мне много неприятных слов и плача отошла.

Через несколько часов был оглашен приговор. Моего клиента оправдали и освободили из-под стражи, где он провел почти 4 месяца. Остальные парни были все осуждены и всем назначено наказание в виде лишения свободы. Один из подсудимых, который до суда не был арестован, был взят под стражу.

После окончания судебного заседания ко мне подошли несколько мужчин, среди них отец подзащитного. Меня благодарили за защиту, отец очень просил их извинить за все, что мне высказала его жена.

Через много лет, представляя свои интересы, будучи уже опытным адвокатом, я прекрасно понимал, что мои положительные данные не доказывают несовершение мной тех или иных действий.

В суд явились журналисты Садриев и Куличкин, писавшие фельетон, а также представитель редакции Деринг. В суде они себя вели как у себя дома, двери в кабинет судьи раскрывая, как говорят, "ногами".

В судебном заседании были опрошены я, журналисты, представитель редакции, Постаноговы, Глебов, Марьин. Оглашены материалы проверки, которую проводил Глебов. Мною были представлены доказательства отсутствия меня в городе в тот день, когда по утверждению Постаноговых он передал мне деньги. Рассказал я и о расположении комнат в моей квартиры и об обстановке в комнате, где по утверждению Постаноговых они были.

Был допрошен Вячеслав Голубев, который рассказал о расположении комнат, обстановке в соответствующей комнате. Его пояснения разбивали тезис материала проверки о правильности описания Постаноговыми квартиры и обстановки комнаты. Высказал

Голубев и свое мнение, что меня оговорили. Давала показания в суде и моя жена.

После этого я заявил ходатайство о допросе К. К.был допрошен и рассказал, о чем с ним дважды беседовал приходивший майор. На следующий день в суд явился заместитель начальника СИЗО. Его показания только подтвердили правдивость рассказанного К. о том, что он выводил К., что с К.при нем беседовал майор из областного управления.

О самом майоре (должность, фамилия) он ничего не пояснил, мотивируя это тем, что прошло время и эти данные он не помнит.

Обращает на себя внимание тот факт, что заместитель начальника СИЗО по сути подтвердил показания К., хотя безусловно от него представители редакции и иные лица ждали иного, иначе бы они этого свидетеля не стали приглашать в суд.

Но порядочность этого человека несомненна, мы от него ждали совсем иных показаний (изобличающих К.).

Затем в суд была приглашена свидетель Колущинская. Сейчас эта дама достаточна известная в г.Перми. Я ее почти не знал. Только слышал, что она отлично вяжет и что она стремится в журналистику, является внештатным корреспондентом газеты "Звезда".

Что она могла пояснить неизвестно. Но понимали, что будет какая-то грязь о K, с сожительницей которого она была знакома. Колущинская по сути дела рассказать ничего не смогла, только высказала свое мнение, что за защиту K. мне могли дать деньги без их оформления.

Начались прения. Я изложил доказательства, о которых я уже писал, и просил удовлетворить мои исковые требования, а представитель редакции просил об отказе в иске. Прокурор мнение представителя редакции поддержал. Да. Я совсем забыл, что в деле участвовал прокурор Орджоникидзевского района г.Перми Бобровский. Мне было известно, что ему уже прочат должность заместителя прокурора Пермской области. В процесс по моему делу он сел сам, не доверив это своим подчиненным. Я заведомо понимал, что это мой противник, цель которого добиваться отказа мне в иске.

Суд ушел на совещание. Я и моя жена были абсолютно уверены, что нам в иске откажут. Ни на какую объективность суда мы не рассчитывали. Но, все равно, оставалась какая-то надежда, что суд не пойдет против веских доказательств, подтверждающих мою правоту.

Но суд отказал в иске. Мотивы были неизвестны, поскольку мотивированное решение должно было быть изготовлено, позднее.

В один из дней после вынесения решения районным судом на улице я столкнулся с тем подполковником КГБ, с которым я уже сталкивался в кабинете Председателя Президиума коллегии Марьина. Не знаю, была ли эта встреча случайной или нет, но мы поздоровались. Затем он заговорил со мной. Он был в курсе всех моих дел. Мне он сказал, что мое упрямство ничего не даст. Получится и получается так, как он уже мне говорил. По его словам из дальнейшего продолжения спора в судах ничего не получится. Он дал мне совет прекратить все споры. Радоваться тому, что меня не исключили из членов КПСС, что я имею нормальную работу.

Мое состояние, состояние моей жены было тяжелейшее. Я вспомнил, как журналисты, Глебов, Марьин уходили после оглашения результата, не скрывая своих улыбок.

Я не имел времени расслабляться, нельзя было опускать руки. Нужно было проверять протокол судебного заседания, так как его содержание имеет важное значение для дальнейшего обжалования. Прочитав протокол, я поразился его неполноте и неправильности записанных моих пояснений и других лиц. Но чтобы сохранить хотя бы часть протокола, на которую можно было ссылаться при составлении жалобы, пришлось пойти на определенные действия. При продолжении ознакомления с протоколом я привел с собой фотографа, который этот протокол сфотографировал.

При рассмотрении судом моих многочисленных замечаний меня поразила позиция народных заседателей. По их лицам было видно, что они понимают несправедливость решения, которая произошла с их участием. Поэтому они активно меня поддержали в необходимости удовлетворить сделанные мною замечания, утверждая, что эти замечания правильные. Позиция народных заседателей помогла в том,

что замечания были утверждены почти в полном объеме. Но, думаю, в этом сказалось и то, что судья и прокурор считали отмену решения маловероятной, слишком много противников было у меня.

К этому времени я уже прочитал решение в полном объеме. Основной довод — нет оснований не доверять Постаноговым. То, что они в чем-то путаются неудивительно, поскольку от тех событий прошло много времени. Колущинская пояснила о возможной передаче денег по делу К. Другие доводы суда сводятся к тому, что все доводы в мою пользу ставятся под сомнение, а против меня считаются достоверными.

По основному доводу "нет оснований не доверять" хочу обратить внимание на то, что в судебной практике это очень часто встречающийся довод.

Чисто по-человечески даже неюрист понимает, что потерпевший, свидетель в ряде случаев может оговорить другого человека. И потерпевший и свидетель могут просто заблуждаться, ошибиться, обознаться и из-за этого дать недостоверные показания о причастности конкретного лица к совершению преступления.

Даже неюристы понимают эту не хитрую истину, но на практике этой истине часто не следуют даже опытные юристы и по доводам отсутствия оснований к оговору осуждают невиновных людей.

Еще в самом начале моей адвокатской деятельности мне рассказали случай, когда за убийство человек был приговорен к расстрелу. Основанием к осуждению были показания свидетеля, не доверять которым оснований не было. Затем приговор был отменен. До нового рассмотрения дела были установлены истинные убийцы два брата, один из которых имел незначительное внешнее сходство с осужденным. Человека оправдали, виновных осудили. Это дело потом так и осталось в памяти юристов, как дело по которому человека оправдали за совершение убийства, но осудили за кражу электросчетчика (ну, а как же, нужно ведь было "прикрыть" срок нахождения под стражей).

Другая история, но аналогичная первой произошла уже через много лет в 90-х годах. Руководитель фирмы вышел из своей

квартиры с полной сумкой денег, предназначавшихся для покупки товаров для фирмы. На площадке на него напал неизвестный, ударил металлическим предметом и унес сумку с деньгами. Через полгода история повторилась, только деньги забрали из автомашины, а в качестве орудия преступления применялся обрез. Сумка с деньгами вновь была унесена.

Во втором случае милиция установила двух человек, причастных к преступлению. Одного задержали, второй убежал. В квартире убежавшего были изъяты ряд фотографий. На одной из них, где были сняты трое молодых людей, потерпевший опознал парня, ударившего его металлическим предметом.

Этот парень был арестован. Им оказался приятель убежавшего, недавно освободившийся из мест лишения свободы. Парень вину отрицал. Но его опознала и вторая потерпевшая. На очных ставках они утверждали, что именно этот парень нападал на них.

Дело рассматривал областной суд. Но к этому времени был задержан скрывшийся парень. Он рассказал о всех соучастниках преступлений, в том числе и о парне непосредственно нападавшем на потерпевших. Но это был совсем иной человек, не тот которого вначале опознавали потерпевшие. В судебном заседании за нападение привлекался истинный виновник. Потерпевшие уже на него говорили, что напал именно он, а ранее они ошибались. В отношении парня, которого первоначально привлекали, уголовное дело прекратили. Но, как пояснила его адвокат, в суд в отношении этого парня все же пошло уголовное дело за хранение нескольких патронов от мелкокалиберной винтовки.

Прошло еще ряд лет. Совсем недавно к уголовной ответственности был привлечен офицер милиции, начальник подразделения отдела милиции одного из районов нашего края. В вину ему ставили получение взятки.

Изучая материалы дела, я интересовался у офицера, где он находился в день, когда потерпевший говорит о передаче ему денег. Естественно, он этого не помнил. Готовясь к судебному заседанию, мне пришлось проделать большую работу, но я на основании

бесспорных документальных доказательств установил, что в этот день подсудимого не было не только на службе, но и в районе.

Эти доказательства были представлены суду. Они в полной мере подтверждали показания свидетелей, что подсудимого на службе не было.

Кажется ситуация ясна, но, тем не менее, подсудимого осудили. Основной довод был тот же - нет оснований не доверять потерпевшему. Последовала моя жалоба, участие в суде следующей инстанции, приговор был отменен. По ряду оснований вновь дело рассматривалось в другом районе и офицера оправдали. Приговор после отклонения представления прокуратуры был оставлен без изменения.

Как Вы уже обратили внимание в первых двух делах были установлены истинные виновники. В третьем случае имелись достоверные документальные доказательства, что человек в такой-то день не был ни на службе, ни в районе. А если бы виновных не нашли, а в определенный день человек был на службе? О последствиях в этом случае не хочется даже говорить. Такая же ситуация происходила и со мной.

После ознакомления с текстом решения была подана кассационная жалоба и оставалось только ждать, когда дело будет назначено к рассмотрению в областном суде.

Вновь пришлось продумать содержание своего будущего выступления, в нем не должны были повторяться доводы приведенные в жалобе, оно должно быть предельно, насколько это возможно, коротким. Мое состояние, состояние моей жены было "хуже некуда". Редко звонил телефон, нам звонили несколько коллег, друзья и родственники. Все надежды после оглашения решения суда рухнули. Впереди была полная неизвестность. Бывшие коллеги по адвокатуре дали мне и жене кличку "панфиловцы", но при этом добавлялось, что панфиловцы для борьбы с немецкими танками имели гранаты, а мы на танки идем с голыми руками. Требовалось как-то дать выход всему накопившемуся стрессу. Но выхода не было.

Однажды мы с женой находились на даче. Весна, кругом цветы, радостная обстановка - не в пример нашему состоянию. Взгляд жены упал на одни цветы желтого цвета, название этих цветов не помню. Эти цветы по словам многих приходящих к нам на дачу приносили несчастье и нам давно и много раз предлагали их убрать. Мы на это не обращали внимания. И вот в этот момент, под влиянием всего, что с нами случилось и безвыходности нашего положения, жена схватила лопату и вскоре ни одного цветка, которые нам предлагали убрать, не стало.

Это был и своеобразный выход всего накопившегося на душе. Сейчас это звучит странно и смешно. Но, самое невероятное, что с этого момента все понемногу стало поворачиваться в другую сторону, а несчастья прекращаться.

В это время возникла необходимость выехать в Москву по одному из моих прежних дел.

В свое время рассматривалось уголовное дело, по которому проходили тренеры из разных городов СССР. Все они привлекались за хищения в крупных размерах, а мой подзащитный за хищение в особо крупном размере. Все они были осуждены. Приговор был многими обжалован, в том числе и мной.

Я всегда, если защищаю клиента в суде первой инстанции, который непосредственно рассматривает дело, пишу жалобу от своего имени. Поэтому делу я почему-то решил, чтобы жалобу подал и мой клиент. По сути, она в основном была мной ему продиктована. После этого я считал, что клиенты откажутся от моей помощи, поскольку клиент и его родственники - жители города Москвы. Отец подзащитного юрист с большим стажем. Но и подзащитный и его родственники настаивали на моем участии в дальнейшем рассмотрении дела. Поэтому в моей жалобе я просил известить меня о дате слушания дела.

Когда мне пришлось уйти из коллегии, я известил об этом клиента и его родственников. Но они настаивали на моем дальнейшем участии.

Тогда я попросил, чтобы мой бывший подзащитный направил письменное ходатайство о моем участии в его деле в Верховном Суде $PC\Phi CP$.

Когда из Верховного Суда пришло сообщение о назначении дела мне, об этом сообщили. Но, как я позднее узнал, по инициативе Глебова в Верховный Суд пошло извещение, что я не являюсь адвокатом. Глебов явно считал, что я приеду в Верховный Суд как адвокат и представлю ордер, который у меня мог сохраниться.

Я о таком поведении даже и не думал. Все пошло строго по Закону. В суде я участвовал на основании ходатайства подзащитного. Но меня обязали поддерживать доводы не моей жалобы, а жалобы моего клиента. Вот где сказалось составление им жалобы под мою диктовку. В суде я поддержал эту жалобу, тем более, что противоречий с моей жалобой не было. Только все было подано поадвокатски, со ссылкой на листы дела.

Верховный Суд приговор в отношении моего клиента изменил как в части квалификации, так и в части снижения наказания.

В данном случае я был удовлетворен тем, что все-таки помогаю людям и они не зря доверяют мне.

ПЕРВЫЙ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

Прошло время и было назначено мое дело в областном суде. Как было указано в списке назначенных дел, докладчиком по моему делу была судья областного суда Марта Дмитриевна Лаврентьева. Это юрист высочайшей квалификации, председатель судебного состава, член Президиума областного суда.

Придя на рассмотрение дела, я увидел во главе состава Заместителя Председателя областного суда по гражданским делам М.Д.Головина. Рассмотрение дела по жалобе гражданина или организации в суде следующей инстанции идет намного быстрее, чем при рассмотрении дела в суде первой инстанции (в данном случае районный суд). Докладчик подробно изложила дело, суд заслушал стороны, затем остался для принятия решения по делу.

Несложно представить мое состояние в ожидании результата. Если согласятся с решением, то в областном суде больше делать нечего, поскольку согласился с решением заместитель председателя суда по гражданским делам. Если отменят решение, тогда борьба продолжается.

Слушаю, наконец, определение суда, которым решение отменено с направлением дела для нового рассмотрения в областной суд по первой инстанции.

Позднее я прочитал и мотивировку принятого коллегией решения. Это и неисследованность районным судом материалов дела, оставление ряда доказательств без должной оценки. Мотивировка достаточна серьезная и убедительная.

Таким образом, попытка судьи районного суда "обойти" ряд серьезнейших доказательств по делу не удалась.

Если кто то считает, что после отмены решения районного суда, мы стали отмечать это событие, делать какие-то выпады в адрес редакции и Глебова, то он глубоко ошибается.

Мы были очень довольны таким результатом, на душе стало намного легче, появился в сплошном тумане небольшой просвет. В тоже время мы понимали, что идет новый виток продолжающейся борьбы за свое честное имя. И вся борьба еще впереди, а ее результат неизвестен.

В это время к нам поступила информация, что после отмены решения, заместителя председателя суда Головина и докладчика по делу Лаврентьеву вызывали в обком партии, где были недовольны принятым областным судом решением.

Насколько достоверна эта информация я проверить не мог. Ни Головин, ни Лаврентьева со мной на такую тему разговаривать бы не стали. Но источник информации был очень серьезный и изобретать такой факт ему было ни к чему. Эту информацию не удалось проверить и по настоящее время.

Нам предстояло готовиться к новым судебным спорам, постараться найти, если это получится, новые доказательства своей правоты.

УБЕДИТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА

Мне уже было известно, что после принятия решения районным судом об отказе мне в иске, Постаногов был освобожден условнодосрочно от дальнейшего отбывания наказания. Понятно, что до того, как он и его жена дали показания в районном суде, его никто бы не освободил, потому что еще не было подписки об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и не было уверенности, что он в суде не откажется от своих ранее данных показаний.

Когда от супругов получили то, что было нужно, тогда следовало и выполнить данное обещание - освободить досрочно.

Мне стало известно, что Постаногова восстановили в институте, что в те времена для таких, как он, было практически невозможно. Подготовка к судебному заседанию включала в себя не только осмысливание того, что уже было известно.

Принимались определенные действия по нахождению доказательств, свидетельствующих о моей правоте.

В связи с этим вспоминается один разговор, произошедший еще в мои студенческие годы. Моему сокурснику был поставлен "неуд" за курсовую работу по одному из предметов и он автоматически не допускался к экзамену. Тогда он обратился к преподавателю этого предмета (это в то время был декан юридического факультета Коваленко) с вопросом:

- Что же мне делать?.

Декан - человек с юмором, задал встречный вопрос:

- А Вы книгу "Граф Монте-Кристо" А.Дюма читали?"

Сокурсник ответил:

- Читал.

Последовал еще вопрос:

- А что там написано в самом конце?

Сокурсник этого не помнил. На что декан сказал:

- Сходите и прочитайте.

Сокурсник сходил и прочитал, написанное большими буквами: ЖДАТЬ и НАДЕЯТЬСЯ. Я не зря привожу этот разговор. Надеяться

в жизни нужно всегда. Своим клиентам я всегда советую: "Надеяться всегда нужно на лучшее, но быть готовым ко всему".

Так же как нужно уметь ждать, хотя в ряде случаев хочется активной деятельности, но она может принести и отрицательный результат.

В тоже время нередко промедление вредно, нужно совершать активные действия.

Нужно уметь сочетать и выжидание и активную деятельность.

Именно такое время наступило. Установить, когда Постаногова освободили досрочно, было несложно. Эта дата - 19.03.1987г., то есть вскоре после вынесения решения районным судом - 10.03.1987г.

Я сумел получить (естественно неофициально) выписку из протокола N016 заседания цехового комитета организации, где работал Постаногов от 11.04.1986г.

На этом заседании рассмотрели заявление Постаногова о восстановлении его в институте.

Постановили: ходатайствовать перед спецкомендатурой о восстановлении в институт.

Я привожу содержание этого документа так, как в нем записано. Фактически принято решение, чтобы спецкомендатура вышла с ходатайством о восстановлении Постаногова в институте. Но главное не это. Суть в другом - это ходатайство принято на следующий день после того, как Постаноговы написали заявления в отношении меня в милиции (10.04.1986г.).

Была мною получена и характеристика на Постаногова, выданная спецкомендатурой.

В этой характеристике считали возможным восстановить его в институте. Мы знали, что Постаногова восстановили в институте. Но меня, конечно, интересовало, как это было сделано.

Опять же неофициальным путем было установлено, что Постаногов дважды обращался в институт с заявлениями на восстановление и в отношении его ходатайствовал какой-то человек из "органов". После получения такой информации жена обратилась к

проректору института с официальным ходатайством о получении копий этих заявлений.

В одном из них указывает Постаногов, что он был осужден, раскаялся и просит разрешить ему продолжить учебу в институте. В другом заявлении уже о судимости нет ни слова. Только просьба восстановить в институте.

Явно кто-то пришел к выводу, что восстановить отбывающего наказание человека, в свете существующих в то время ограничений, невозможно. И поэтому лучше не поднимать вопрос о судимости.

Но еще интереснее были даты заявлений - 08.09.1986г. На заявлении стояла виза декана - "в приказ, восстановить в числе студентов" и дата приказа о восстановлении - 31.08.1986г. Как он мог попасть в приказ о восстановлении еще до обращения с этой просьбой несложно понять. В приказ он был включен "задним числом".

Кроме того, от проректора по режиму моя жена смогла вытащить признание того, что к нему в конце лета 1986г. приходил майор из областного УВД и ходатайствовал о восстановлении Постаногова.

Первое заявление Постаногова о восстановлении уцелело случайно, поскольку в кадрах принято подшивать все, а не убрали позднее, так как просто об этом забыли. Для чего нужны были приведенные документы, я расскажу позднее.

Одновременно, я выяснял и другие обстоятельства. То, что проводилась проверка многих проводимых мною дел, мне было известно. Также как, я давно обратил внимание на даты - 10.04.1986г. - первое заявление Постаногова и октябрь этого же года - его последующее заявление. Я прекрасно понимал, что за этот промежуток времени опрашивались многие мои клиенты. До определенного времени выяснить кого опрашивали не удавалось.

Но, наконец, несколько таких клиентов было мною установлено. И я узнал массу интересных сведений. Моя бывшая клиентка 3. в свое время привлекалась за передачу денежных средств своей организации своему вышестоящему руководителю, за оказание определенных услуг в интересах этой организации. В 1986г. ее

пригласили в милицию и требовали рассказать о передаче мне денег без их оформления. Мотив был простой - если передавала деньги в интересах организации, то в собственных интересах это обязательно должна была сделать.

З.пояснила, что она ничего не передавала, тем более, что всеми финансовыми вопросами, связанными с ее защитой, занимались ее мать и бабушка. Но на З.оказывалось давление, были всякие угрозы. По ее словам наплакалась она вволю.

Но на подлость 3. не пошла. В конечном итоге от нее отстали, но в милицию пригласили ее мать. Но та была человеком с твердым характером, она так поговорила с вызвавшими ее сотрудниками, что у тех пропало желание с ней разговаривать. Бабушку 3. не вызывали, поскольку она бывший судебный работник и разговаривать с ней, так как с 3. было невозможно.

Другая моя клиентка - Ч. была осуждена за хищение к лишению свободы и отбывала наказание далеко от Перми, совсем в другой области. К ней из Перми приехал сотрудник из "органов", который очень рассчитывал на сотрудничество с ней, считая, что она обижена на адвоката, исходя из плохого исхода дела. Кроме того, он ей обещал создать определенные улучшения условий отбывания наказания. Но Ч. "послала" его очень далеко и ему пришлось уйти ни с чем. Через некоторое время к Ч. приехали на свидание и она о разговоре с приезжавшими к ней человеком все изложила приехавшим к ней.

Бывший мой подзащитный - Ч. привлекался к уголовной ответственности за хищение. В то время он работал директором организации. После возбуждения уголовного дела его перевели в заместители директора. В суде дело "развалилось" и было направлено на дополнительное расследование. Доследывать было нечего и дело вскоре прекратили.

Но в должности директора его не восстановили. В этот период в его семье произошло несчастье: за совершение преступления осудили сына. Наказание было в виде лишения свободы.

Через некоторое время после прекращения в отношении Ч. уголовного дела вновь был поднят вопрос о восстановлении его в

должности директора. Именно в это время его встретил один из руководителей местного отдела милиции и попросил Ч. придти в отдел, так как с ним желает побеседовать человек, приехавший из Перми. В отделе с Ч. беседовал с приехавшим, который просил дать показания о передаче адвокату денег без их оформления. За это он обещал Ч. оказать содействие в восстановлении его в должности директора и, кроме того, оказать сыну Ч. определенную помощь для облегчения условий отбытия сыном наказания. В случае отказа Ч. были обещаны противоположные действия. Но Ч. отказался пойти на такое соглашение, не хотел быть подлецом. Под впечатлением такого разговора Ч., придя на работу, все рассказал своим сотрудникам.

Получив всю вышеуказанную информацию, я обратился с просьбой подтвердить все эти факты в судебном заседании.

3. согласилась, а Ч.прислал записку, что он присутствовать и участвовать в процессе не может. Но выход был найден - один из тех кому Ч. рассказывал о разговоре был согласен дать пояснения о нем в суде. Мою подзащитную, которая отбывала наказание, вызвать в суд было нереально. Но одна из тех, кто к ней приезжал и кому она все о разговоре рассказывала, была готова все это рассказать в суде.

Затем последовала дополнительная информация от К. Его вдруг дважды вызывали сотрудники уголовного розыска. Он явился, но никого из его вызывавших на месте не было. Тогда он оба раза отметил повестки у дежурного. Явно вызывать его было не зачем и это безусловно было связано со скорым рассмотрением моего дела областным судом.

Более того, за неделю до рассмотрения моего дела К. вызвали к следователю, где ему было заявлено, что решается вопрос прекращать уголовное дело в отношении его или нет. И что решение этого вопроса будет во многом зависеть от его поведения. Было сказано, что его участие в судебном заседании в качестве свидетеля нежелательно. К.заявил мне, что ничего не меняется и он даст показания в судебном заседании.

Выше я уже обращал внимание на получение сведений неофициальным путем.

Поясню, что у адвоката даже в наше время имеется немного возможностей для самостоятельного собирания нужных ему сведений. Этих возможностей много только в детективных сериалах. А в 80-е годы таких возможностей было еще меньше, чем в наши годы. Но жизнь заставляла находить выход. Раскрыть эти выходы даже через много лет не могу, сохраняя конфиденциальность этого.

Представляя в судебное заседание документы, заявляя ходатайство о вызове свидетелей очень важно определить максимально нужное количество доказательств, чтобы не загружать суд ненужной информацией, среди которой может потеряться информация нужная.

Для приобщения к материалам дела были приготовлены графики работы юридической консультации, методические указания о составлении отчетных документов.

В совокупности с имевшимися уже в деле документами они воссоздавали всю картину моей работы и позволяли подкрепить мои показания.

К этому времени я уже знал, что рассматривать мое дело будет член областного суда Владимир Ильич Нижегородов. Сталкиваться с ним мне не приходилось. Но среди не только адвокатов он был известен, как грамотнейший юрист и судья, мнение которого до оглашения результата по делу определить невозможно. Нередко по тем вопросам, которые задает судья, по тем или иным интонациям можно хоть предположительно определить мнение судьи по делу. А в отношении судьи Нижегородова даже предположительно ничего определить было невозможно.

Незадолго до суда мне позвонил Алексей Алексеевич Белых. И сообщил, что заседателем по моему делу будет Потапова, она работала у него секретарем, когда он работал судьей.

На тот период она уже работала где-то юристом. Алексей Алексеевич предупредил меня, что на Потапову "вышли" мои противники и она будет в судебном заседании моим противником.

Дошли до меня сведения, что противоположная мне сторона в качестве представителя редакции и корреспондентов искала

грамотного специалиста по гражданскому законодательству (грамотного цивилиста). Такого искали в соседних областях. Но, как только узнавали эти специалисты суть дела, сразу следовал отказ.

Сообщили мне, что хотели и заменить прокурора, участвующего в процессе. Ведь прокурор Бобровский - это специалист по уголовному праву, а нужен, как я уже говорил, цивилист.

Такой специалист, причем высочайшего класса был в прокуратуре - ее фамилия, если не ошибаюсь, Билан. Она не возражала пойти в процесс, но поставила условие: она будет занимать позицию такую, которая будет вытекать из полученных в суде доказательств. Тогда от ее услуг отказались и в дело вновь сел прокурор Бобровский.

Билан позже, как мне стало известно, пошла на повышение, работала в другой области Союза ССР, а еще позднее была переведена на работу в Москву на генеральскую должность.

Представителя для редакции и корреспондентов Глебов все же нашел. Это бывший судья, работавший не в Пермской области. В Перми он был намерен устроиться в коллегию адвокатов. Глебов ему это обещал и уже после процесса этот человек работал адвокатом в г. Чайковском Пермской области. Представитель, правда, оказался слабый, но другого не нашлось.

Вновь моя жена и другие мои сторонники поднимали вопрос о том, чтобы мои интересы представлял не я сам. Но, понимая правильность предложения, я остался на своем мнении и продолжил сам представлять себя.

Рассмотрение моего дела было назначено на 09.07.1987г.

К процессу я готовился тщательно. Следовало изложить свои пояснения так, чтобы все было понятно, последовательно. Сократить выступление следовало до возможного предела, но так, чтобы не выпала ни одна необходимая ссылка. Естественно, вся моя позиция, ее изложение были обсуждены с моей женой. Приходилось определяться, когда представлять те или иные документы, когда заявлять о вызове свидетелей и как обосновывать необходимость их вызова.

Следовало быть готовым и к тому, что в ходе рассмотрения дела придется ориентироваться в возникшей ситуации, правильно реагировать на те или иные заявления и ходатайства моих противников.

Началось рассмотрение дела. Дал пояснения я, корреспонденты, представитель редакции. У редакции оказалось два представителя - начальник отдела редакции Деринг и представитель, которого нашел Глебов.

Корреспонденты пояснили, что материал обо мне им представил прокурор города Степанков. Он же убедил их в достоверности этих материалов. После этого они беседовали с Постаноговыми. Ответили и на мой вопрос для чего встречались с бывшими женой и тещей. Как говорили коорреспонденты - для характеристики личности.

Возник и вопрос - почему до публикации не побеседовали со мной? Они пояснили, что это следовало сделать, но они это не сделали, не сочли это необходимым.

Корреспондент Садриев заявил, что самого факта заявления представленного соответствии прокурора материала действительности для него достаточно для написания фельетона, не беседуя с другими лицами. Были допрошены все свидетели ,пояснявшие о "подпольной" работе, проводимой сотрудниками милиции и прокуратуры. В судебном заседании выяснилось из показаний свидетельницы 3., что ее в отношении меня опрашивали не только в милиции, но и в прокуратуре. В прокуратуре ее опрашивал следователь, но поскольку она категорически отрицала передачу адвокату денег, то следователь ничего записывать не стал. Допрошена была и моя жена. В числе изложенных ею известных ей событий, она рассказала о беседе с проректором института.

Я понимал, что проректора пригласят в суд и попросил жену сесть в зале так, чтобы он ее видел. Я понимал, что от него будут мои противники просить об искажении событий и считал, что видя ее он не станет искажать происходившее.

Многим покажется это мое мнение наивным. Немало примеров, когда лгут и глядя в глаза очевидцев. Но я исходил из того, что проректор от соответствующих просителей не зависит. Говорить неправду ему ни к чему. Ну и, кроме того, не каждый способен на явную ложь.

Проректор пришел к концу перерыва в судебном заседании. Прокурор пообщаться с ним наедине не имел возможности. Поэтому разговор между ними состоялся на крыльце суда прямо на глазах у всех, даже членов суда.

Показания проректора совпадали с тем, что говорила моя жена. Он только не назвал, что за майор милиции приходил к нему с просьбой о восстановлении Постаногова, заявив, что ни фамилию, ни должность, ни место работы этого майора не помнит. Объяснить как фамилия Постаногова попала в приказ, датированный концом августа, когда заявление о восстановлении подано 8 сентября, проректор не смог, также заявив, что не помнит. Он подтвердил, что Постаногов единственный из осужденных, кого за все эти годы восстановили в их институте.

По делу допросили и свидетелей Колущинскую и ее мужа. Она по сути дела ничего пояснить не смогла, только пыталась высказать мысль, что деньги без их оформления адвокату за защиту К. должны были дать. При этом всем было ясно, что она явно не нужный свидетель. Ее быстро суд отпустил. Но она продолжала нести всякую чушь, причем голос ее стал очень громким, получилось не дача показаний, а разговор "женщины на базаре" (я так излагаю известное всем выражение). Поведение Колущинской явно не шло на пользу лицам, просившим о ее допросе. Поэтому, поскольку Колущинская никак не замолкала и не уходила, представитель редакции Деринг аккуратно выставил ее за дверь.

Через несколько лет я встретился с Колущинской в коридоре Свердловского районного суда. Подойдя к моему клиенту, она представилась корреспондентом газеты и тут же стала громко высказывать ему ряд претензий по его делу. По ее высказываниям было ясно, что она пришла уже с готовой позицией, которую

намеревалась изложить в статье. Фактические обстоятельства дела ее не интересовали. В своей статье она обещала моему клиенту показать его в самом негативном свете. После такого обращения мой клиент вообще не стал с ней разговаривать. Но Колущинская продолжила на него шуметь. Тогда вмешался я и посоветовал ей внимательно вникнуть в суть дела.

А в отношении изложения моего клиента в негативном свете я сказал, что это может стать основанием к его обращению в суд о защите чести и достоинства. После этого Колущинская ушла, процесс она не слушала. Никакой статьи она по этому делу не опубликовала. Предполагаю, что ее не устроило принятое судом решение, не совпадающее с позицией, которая устраивала ее.

К допросу Колущинской я был готов и попросил допросить сожительницу К., с которой общалась Колущинская. Та пояснила, что вопросами оплаты гонорара за защиту К. не занимались ни она, ни сам К. Все эти вопросы решали родственники К., которые никогда не общались с Колущинской и даже не были с ней знакомы.

Постаноговы повторили свои показания. Только Постаногов уточнил, что он обстановку в моей квартире не помнит. Противоречия в своих показаниях ни он ни его супруга объяснить не смогли. На момент этого судебного заседания Постаногов уже не отбывал наказание и работал мастером в Дорожно-строительном управлении.

В этом судебном заседании Постаногов признал, что после приговора он не определился нужно ли его обжаловать. Через некоторое время, когда Киров решил вопрос о оставлении его в городе Перми, он решил приговор не обжаловать. Сам он со мной об этом не разговаривал, попросил об этом сообщить мне Кирова.

В процессе суда и судья Нижегородов, и одна из заседательниц вели себя абсолютно невозмутимо, определить как они относятся ко всему происходившему в суде было невозможно. Только заседательница Потапова не скрывала своего негативного отношения ко мне. Это не означает, что она свое отношение как-то высказывала вслух. Конечно, нет.

Соответствующее отношение было заметно по ряду факторов, даже по определенным интонациям.

Когда дело дошло до прений сторон, я дал анализ доказательствам, причем старался не повторять то, что уже высказал в начале процесса.

В выступлениях корреспондентов, представителя редакции, заключении прокурора высказывалось мнение об отказе мне в иске, серьезной мотивации не было. Выступление еще одного представителя редакции в памяти не отложилось, там не было ничего конкретного, в иске он просил отказать.

Суд ушел на постановление решения. Трудно рассказать о своем состоянии. Решалось очень многое. Я вспоминал, как ожидал решение районного суда, когда почти не было надежды на положительный результат. С женой мы даже не говорили о возможном результате. Оставалось только надеяться, ведь доказательств моей правоты стало еще больше, чем ранее. Нужна была только объективность. И вот нас приглашают в зал судебного заседания. Оглашается резолютивная часть решения.

Оглашены данные кто к кому предъявил и какие требования. И звучит слово: "Решил".

С первой фразы ясно, что мой иск удовлетворен. До того приятные слова: "Обязать редакцию газеты…". Дальнейшее понятно - иск удовлетворен, редакция обязана опубликовать опровержение порочащих мое честь и достоинство сведений.

Судебное заседание объявлено закрытым. Все выходят. Только представитель редакции (не Деринг) ошарашен и стоит на месте. У него явно не укладывается в голове: как можно было не согласиться с мнением отдела юстиции, прокуратуры и других органов.

Мы с женой выходим. Разговаривать не хочется, мы понимаем, что борьба еще не окончена. Теперь следует сделать все от нас зависящее, чтобы решение суда вступило в законную силу, то есть чтобы не было его отмены. Но очень приятно. Нас поздравляют те, кто был с нами все это время.

Есть еще один поразительный фактор: вечером раздается несколько звонков от тех, кто за весь прошедший период нам ни разу не позвонил. Мы всех благодарим за поддержку и поздравления.

В тоже время мы с женой обсудили все происходившее за это время, начиная с моих поездок к Бегуну и Марченко, заканчивая вынесением решения областным судом.

Мы лишний раз убедились, как сложно участвовать в процессе, где задействованы административный и другие ресурсы. Когда наши противники действовали только с намерением добиться нужной цели, не останавливаясь ни перед чем, в том числе нарушением действующего законодательства (правда эти нарушения использовали скрытно, внешне подавая их как абсолютно законные). В ряде случаев эти нарушения внешне вообще не подавались, оставались скрытыми. Кто-то может подумать, что подобные действия характерны только для того периода, когда происходили описанные мной события. Нет, это совсем не так.

Подобное происходило и происходит и раньше описываемых событий и в наше время.

Только в советские времени очень часто многие события происходили по инициативе партийных органов или по публикациям в партийных средствах массовой информации.

Так, в 70-х годах, появилась статья в газете "Правда", автором которой был Генеральный прокурор СССР Руденко. Статья была опубликована на первой странице газеты и в ней писалось о нарушениях, допущенных руководством Пермского лакокрасочного завода.

На эту же тему в газете "Социалистическая индустрия" (была тогда такая газета) выступил 1-й секретарь Пермского обкома КПСС Коноплев. И все, сразу возбудили уголовное дело и расследовали его не вникая в суть происходивших событий, все подгоняя к нужному результату по принципу: "политика все спишет". Но не списала, в конечном итоге в суде дело не прошло и его пришлось прекратить в части основного обвинения, нарушений о которых писали Руденко и Коноплев на самом деле не было.

Пример 80-х годов. Период, когда во главе МВД СССР не стало Щелокова. В Москве привлекались к уголовной ответственности многие должностные лица Министерства, в том числе и руководители строительного управления, в Пермском обкоме КПСС решили, что и у нас тоже должны быть привлечены к ответственности должностные лица строительного органа УВД Пермской области. И появилось уголовное дело по СМУ УВД. И опять все подгонялось под нужный конечный результат, а истина интересовала только тех, кого привлекли к ответственности и их адвокатов. Привлечь не удалось, хотя и очень пытались. Слишком серьезными были доказательства о невиновности обвиняемых и принципиальная позиция судьи областного суда Хреновского В.М.

Не стало СССР. Не стало КПСС. Но появились другие основания заинтересованности привлечь тех или иных лиц к ответственности. Немало примеров, когда к ответственности привлекали должностных лиц организаций, когда в этом были заинтересованы конкуренты и когда за привлечением к ответственности определенных лиц обращались от имени организаций, имевших большой "вес" в области. Мы с женой 2 года защищали по такому делу руководителя одной организации. Нам прекрасно было известно, что за спиной "потерпевшей" по этому делу организации стояла очень мощная структура, заинтересованная в привлечении к ответственности нашего клиента, поскольку это в дальнейшем позволяло взять под свое крыло организацию, которой руководил этот человек. Только убедившись, что не получается, хотя следователи очень старались, на определенном этапе расследования эта мощная структура потеряла интерес к делу. И все было прекращено.

Многие в г.Перми помнят одно уголовное дело, которое возникло на базе борьбы двух гигантов: "Сибур" и "Лукойл". В нашей области эта борьба вылилась в привлечении руководителей одной Пермской организации к уголовной ответственности. Осуждение этих руководителей позволило бы "Сибуру" завладеть этой организацией. В методах решения спорного вопроса представители "Сибура" не стеснялись. А наши клиенты и мы эти методы прочувствовали на

себе, когда следователь вел все дело не по пути установления истины, а по пути любым путем привлечения к ответственности.

Более чем через год, следствию стало ясно, что решить вопрос в нужном им русле не удается. К этому времени указанные выше гиганты решили все свои взаимные споры по всей России решать мирным путем и заключили об этом Соглашение. Эти два указанных фактора привели к прекращению уголовного дела. До настоящего времени у меня хранится масса газет, описывающих вышеуказанную историю. Публикации есть и за ту и за другую сторону.

Данный спор был предметом показа в телепрограмме "Совершенно секретно". После этого всякое уважение к этой телепрограмме у меня пропало, поскольку так исказить истинные события можно только при одном условии - интересует не истина, а интерес одной из сторон.

Я привел примеры, в каждом из которых, наступил положительный результат для привлекаемых к уголовной ответственности людей, причем людей невиновных в том, за что их привлекали к ответственности.

Конечно, мне не грозила уголовная ответственность, но совокупность используемых против меня методов, была ничуть не меньше, чем по приведенным примерам.

Сколько же подобных дел прошло с другим исходом, без положительного результата?

Проходят годы, меняется страна, кругом говорят, пишут, показывают сюжеты о демократии, справедливости, достоверности, законности. Но почему-то раз за разом проявляются методы незаконные, несправедливые. Остается только надеяться, что со временем, пусть не я, а другие будут свидетелями, когда всюду будет торжествовать законность, а это сразу и правда, и справедливость.

Тогда в 1987 г. нам с женой только оставалось надеяться, а к этому времени и убедиться, что беззаконие можно одолеть. Делать это мне пришлось и до того, как я вернулся к работе адвоката.

На следующий день после оглашения решения областного суда мне позвонил К. и сообщил, что его вызывает следователь. В тот же

день мы с ним встретились. Ему, оказывается, вручили копию Постановления о прекращении в отношении его уголовного дела. Датировано это Постановление было 2 июля 1987г. Напоминаю, 2 июля, когда К. пригласил следователь, ему было сообщено, что решается вопрос о прекращении или нет в отношении его уголовного дела и что это зависит от его поведения по моему делу.

А дело, как видите, было уже прекращено. Ничего не менялось в используемых методах.

Прочитав Постановление, я еще больше возмутился. В данном документе указано, что К. совершил преступление, но дело прекращают, так как дело суд вернул на доследование.

Дальше понятно. К. обжаловал это Постановление. Прокуратура согласилась с доводами жалобы и дала указание внести изменения в Постановление. Так оно и произошло.

Закончилась почти 5-летняя эпопея данного дела. Позднее К. взыскал с государства все, что можно было в то время. Прошло время, и он обратился ко мне с вопросами по трудовому спору между администрацией речного порта, где он работал докером, и членами его бригады.

Через несколько лет мы случайно встретились в городе. Он рассказал, что его приглашают на какую-то должность (какую не помню) в одну организацию, но он еще не решил идти туда работать или нет. Кстати, к этому времени его судимости были погашены. Больше с К. я не встречался. Надеюсь, что у него все сложилось хорошо.

Уже работая адвокатом, я выяснил, что дело К. по инициативе областного УВД направлялось в Прокуратуру РСФСР. Там оно было изучено, и Заместитель прокурора РСФСР дал ответ о том, что вина К. материалами дела не доказана и рекомендовал дело прекратить. Из текста ответа было видно, что в прокуратуре РСФСР дело изучалось очень тщательно.

А мне следовало готовиться к дальнейшим спорам. Я ознакомился с полным текстом Решения. Там было изложено все и всему дана оценка. Решение было очень убедительным. В деле, в

отдельном конверте, находилось особое мнение заседателя Потаповой, в котором она не соглашалась с Решением и считала правильными выводы отдела юстиции. В том, что будет это особое мнение, я не сомневался.

Затем в суд поступили протест прокуратуры и кассационные жалобы редакции и самих корреспондентов. Не считаю нужным вдаваться в их текст, ничего там убедительного не было. С рядом доводов, указанных в решении, они и не спорили, оставляя их без внимания. Все сводилось к тому, что Постаноговым следует верить.

Я готовил возражения на протест и жалобы. Мы с женой готовый текст обсуждали, меняли, дополняли или, наоборот, вычеркивали. Возражения я отдал в областной суд и оставалось ждать дату назначения дела в Верховном Суде. Мы не пытались даже думать о результате рассмотрения дела в Верховном Суде.

Длительная практика работы приучила к тому, что возможно всякое, хотя мы считали, что оснований для отмены Решения областного суда нет. О плохом думать даже не хотелось. Но мы не имели права расслабляться ни на минуту. Оставалось только ждать и готовиться к изложению своей позиции, чтобы она была четкой, аргументированной и понятной.

И вот мы получили извещение о дате рассмотрения дела. Очень странно было заходить в Верховный Суд, предъявляя на входе паспорт, а не удостоверение адвоката. Затем ожидание, когда пригласят на рассмотрение дела. Рассмотрение дела началось позднее, чем намечалось. Причиной задержки стало опоздание представителя прокуратуры. У появившегося представителя председательствующий спросил о причине опоздания и не связано ли это опоздание с отказом от требований протеста прокуратуры. Но пришедшая дама заявила, что прокуратура настаивает на отмене решения областного суда. После этого дело рассматривалось по существу. Представителю предложили изложить основания отмены. По мнению представителя - это то, что областной суд не исследовал заключение отдела юстиции. Судья-докладчик тут же зачитал ту часть протокола судебного заседания, где отражено исследование

материалов проверки, проводимой отделом юстиции. Но даму это не смущает. Она заявляет, что материалы проверки исследовали, но в решении суда этим материалам оценка не дана. Вновь судьядокладчик оглашает ту часть решения, где дан анализ материалам проверки. И это даму не смущает. Поскольку доводов нет, следует заявление, что решение следует отменить. Все как в басне Крылова: "Ты виноват уж в том, что хочется мне кушать".

К прокурору вопросов нет, его позиция понятна. Мне предоставлена возможность изложить свои возражения. Что я и делаю. Затем мне задают несколько вопросов, я на них отвечаю. При этом в своих ответах, когда ссылаюсь на доказательства, сразу указываю листы дела, где они находятся. Вот и все. Суд остается на совещание. Вновь ожидание. Ни в чем гарантии нет. Но результат или поставит точку в деле или.... даже не хотелось думать об этом.

Приглашают в зал. Слушаю, наконец, главное: решение Пермского областного суда оставить без изменения, кассационный протест и кассационные жалобы без удовлетворения. Судебное заседание окончено.

Иду и на душе необыкновенная легкость. Первая мысль - позвонить домой. Затем звонок и возвращение домой.

Дальнейших попыток обжалования решения областного суда я не боялся, ничего убедительного из-за чего последующие инстанции могут отменить решение у моих противников нет.

ВОЙНА ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Наступает неожиданная слабость, поскольку впереди все известные события, но все они только приятны. Мы только говорим о том, как мы все происходившее выдержали. Человек может выдержать много, как физических страданий, так и психологических.

И те и другие одинаково трудно выдержать. Однажды, читая материалы уголовного дела, я поражался тому, как человек смог выдержать жесточайшее избиение.

Его били долго руками и ногами двое молодых парней. Затем ему нанесли по голове удар тяжеленной табуреткой. Один из

нападавших огромным кинжалом частично его скальпировал, а затем нанес удар кинжалом в живот. Человек попытался уйти, тогда нападавший бросил в него кинжал, пробил плечо и буквально пригвоздил к стене. И бросился для дальнейшего добивания. И в этот момент человек, на которого напали, вырвал кинжал из своего плеча и стены, схватил нападавшего и нанес ему 17 ударов кинжалом, пять из которых были смертельными. В это время второй нападавший нанес ударявшему удар по голове тяжелой доской. Тот повернулся и нанес этому нападавшему пять ударов, один оказался смертельным. После этого он зажал раненый живот и пошел по улице за медицинской помощью. Вскоре милиция его задержала и через неделю он оказался в СИЗО. Первое, что я у него спросил, это о том, как состояние его здоровья. Как ни странно, с ним все было в порядке.

Может показаться странным, почему его привлекли к уголовной ответственности, если он оборонялся. Мне это тоже было странно, налицо необходимая оборона. Но в суде возможно всякое. По данному делу подсудимый был осужден, но за убийство в состоянии сильного душевного волнения. Ни я, ни он с этим были не согласны. Я написал жалобу и Верховный Суд восстановил справедливость, отменив приговор и прекратив дело, сославшись на необходимую оборону со стороны осужденного.

Через короткое время мой клиент приехал ко мне с вопросом (если я правильно помню) о прописке. Первое, что я спросил - это о здоровье и нет ли последствий от полученных им телесных повреждений. Все оказалось в порядке.

Нет предела человеческой выдержке. Но выдерживать психологические нагрузки, постоянный стресс не менее трудно, чем физические. Как люди выдерживают эту нагрузку, зависит во многом от взаимоотношения в семье в такой период. Ведь у мужа многое изменилось: он уже не адвокат, существенно уменьшились материальные доходы семьи, постоянно давлеет неопределенность будущего. В нашей семье, при всех возникших трудностях, за весь период нашей борьбы, не было ни одной ссоры, ни одного конфликта.

Споры имели место только при обсуждении составляемых бумаг. Это очень облегчало борьбу, позволяло не упасть духом даже в самых сложных ситуациях. Известно, что пока человек не имеет возможности расслабиться, все болезни уходят вглубь. Но наступает расслабление после хороших изменений и болезни проявляют себя в полной мере.

Так случилось и у моей жены. Сердце стало сдавать, пришлось обратиться к врачам и проходить длительный курс лечения. У меня, к счастью, со здоровьем проблем не возникло, но по настоянию жены кардиограмму пришлось сделать.

Прошло время, мое дело вернулось в областной суд. И я сразу получил полное решение. Читать было приятно. Все, что изложено в определении Верховного Суда, подтверждено материалами дела, на которые и ссылается Верховный Суд. Масса ссылок на листы дела подтверждает и глубокое и тщательное изучение материалов дела.

Наступает следующий этап - восстановление в коллегии адвокатов. Я направляю заявление о восстановлении в адрес Президиума коллегии. Но получаю ответ от Глебова - Председателя коллегии, что речь может идти только о приеме вновь, поскольку я уволился по собственному желанию. Я снова направляю письмо уже Глебову, где указываю о праве Президиума, а не Председателя принять решение по моему заявлению.

В это время я узнаю, что один из ведущих адвокатов коллегии готовит обращение к Президиуму о моем приеме в адвокаты. Встречаюсь с коллегой и прошу не делать никаких обращений, так как я намерен восстановиться, а не поступать вновь. Коллега со мной соглашается, хотя и не одобряет мою позицию.

На заседании Президиума Глебов остался один, все остальные голосовали за мое восстановление. Ведь я уволился в силу объективных причин, о чем и указал в заявлении: "до восстановления честного имени я не имею возможности работать адвокатом".

К этому времени газета "Звезда" опубликовала опровержение. Правда, опровержением это было трудно назвать. В этом "опровержении" было указано содержание сведений, которые

опровергаются. Указано, что достоверность этот сведений подтвердили прокуратура города, отдел юстиции, районный суд. Но поскольку областной суд признал эти сведения недостоверными, то публикуемую статью и просит редакция считать опровержением.

В те годы закон не предусматривал права указать содержание опровержения. Поэтому редакция опубликовала опровержение как считала необходимым. Я попытался от них добиться публикации надлежащего опровержения. Судебный порядок был в то время невозможен. Тогда я обратился с этим к редакции и в обком партии, поскольку газета его орган. Меня и главного редактора пригласили в соответствующий отдел обкома. Беседа с главным редактором не дала ничего. Ю.Н.Вахлаков - главный редактор, заявил мне, что не на что обижаться, они и так дали мне рекламу на всю область. А опровержение написали, как сочли нужным. Из редакции я затем получил ответ, что "можно оспаривать форму изложения материала, но здесь право выбора остается за редакцией". Обращаясь в обком и редакцию, мы надеялись просто на человеческую порядочность со стороны редакции. Но этого не произошло и мы решили, что, поскольку судебный спор по этому вопросу невозможен, оставить все как есть.

В первом номере журнала "Советская юстиция" за 1988г. была опубликована заметка, как газета опубликовала недостоверные сведения и как адвокату Чарному И.Б. пришлось свою право доказывать в течение 10 месяцев. Для нас эта заметка и запомнилась как надлежащее опровержение.

Как только я получил адвокатское удостоверение, то сразу принялся за доведение до нужного результата дел, где мое участие было прекращено против моей воли.

Один из руководителей района Пермской области вместо общих указаний организовал исполнение нужных дел в районе. Организованная им бригада в свободное от работы время строила в совхозах и колхозах помещения и устанавливала оборудование в которых эти хозяйства нуждались, но официальной помощи им в этом оказать не было возможности. Была проделана огромная работа,

но итогом стало осуждение и попадание в места лишения свободы. Приговор был оставлен без изменения. Тогда я направил жалобу в Верховный Суд. Но затем меня в коллегии не стало. Вернувшись я установил, что Заместитель Председателя Верховного Суда внес протест о изменении приговора. Одновременно он направил запросы в хозяйства, в которых строил осужденный, с просьбой выслать расчеты доходов, которые хозяйства получили от того, что сделал осужденный. Но руководители хозяйств пошли за консультацией что делать в милицию и прокуратуру, где им порекомендовали ничего не делать. Не получив ответы из хозяйств, Заместитель свой протест отозвал.

Установив все это, я связался с хозяйствами и все требуемые расчеты получил. Затем приложил их к жалобе и вновь обратился в Верховный суд. Но "поезд ушел", вновь протест вносить не стали.

До потери статуса адвоката я защищал сотрудника милиции, который, работал в спецкомендатуре. Его обвиняли в избиении ряда лиц, за поведением которых он надзирал (за отбывавшими наказание "на стройках народного хозяйства").

Расследование длилось долго, но закончилось прекращением дела. Тогда мой клиент заявил мне, что он возмущен особенно начальной стадией расследования дела и намерен наказать виновных. Для этого он хотел подать жалобу в прокуратуру области. Я ему это не рекомендовал. Дело было по доказательствам очень спорное, считать его виновным или не виновным - это как раз наполовину (50% на 50%).

Он меня не послушал и направил жалобу. К этому времени пошел вверх по службе прокурор района, где привлекали к ответственности моего клиента. Прокурор района давал санкцию на арест жалобщика и ряд указаний по расследованию дела.

Жалоба поступила в отдел областной прокуратуры, который возглавил бывший прокурор района. Дальнейшее понятно. Постановление о прекращении дела отменено. Обвиняемому добавили еще 3 эпизода обвинения и дело пошло в суд. В те времена областной суд ввел практику: дела о превышении властных полномочий

рассматривать в областном суде. Дело, как я уже писал, ушло в суд, а я ушел из коллегии. Вернувшись в коллегию, я от этого клиента узнал, что дело еще не рассмотрено, и он надеется на наше дальнейшее сотрудничество. Оказывается дело уходило на дополнительное расследование. С этим не согласилась прокуратура и Верховный Суд с ней согласился. Все эти хождения дела длились очень долго.

При новом рассмотрении суд исключил несколько эпизодов обвинения, но вынес обвинительный приговор. Клиент с приговором не согласился и вот мы с ним в Москве в Верховном Суде.

Дальше произошел случай - единственный в моей практике. Ни до этого случая, ни после такого не было. Прокурор, давая заключение по делу, также как и я, просил об отмене приговора и о прекращении дела. Причем заключение по делу давал не начинающий прокурор, а солидный товарищ с тремя большими звездами на погонах. Приговор был отменен, а дело прекращено. Причем это было мое первое дело, рассмотренное после моего прихода в коллегию.

В Перми меня ждала новая неожиданность. В Президиум коллегии на мое имя из США пришло письмо, в котором находилась НТС-овская листовка. Вскрыто оно было, как вскрывается вся почта, пришедшая в Президиум. На это явно рассчитывали отправители.

Мне было предложено писать объяснение, я отказался, но попросил дать прочитать послание. Тогда мне поставили условие - дают мне прочитать, а я пишу объяснение.

На этом и договорились. Содержание листовки сейчас не помню, объяснение я написал - о том, что ничего пояснить не могу.

Отправление точно было из США, из Бостона. Явно кто-то в Перми попросил кого-то бросить данную листовку в США. О НТС я знал в пределах того, что об этой организации публиковалось в СССР. Больше о народно-трудовом союзе я узнал через несколько лет, когда защищал Кузнецова, руководителя НТС в нашей области (затем он возглавил НТС России). Леонида Кузнецова привлекали к уголовной ответственности за особо крупное хищение и мошенничество.

Целый год мы доказывали неправомерность привлечения его к уголовной ответственности. Дело попало в суд, вернулось оттуда на доследование и было прекращено. За время общения Кузнецов мне рассказывал и о НТС. В этой части мы не нашли общего языка. Он мне обещал, выйдя на свободу, предоставить соответствующую литературу. Это он потом сделал. От НТС я все равно остался не в восторге, но книги почитал и понял, что эта организация выглядит не так однозначно, как ее подавала Советская пресса.

По самой листовке не вызывало сомнений, что это жест проигравшей мне стороне, как говорят "жест отчаяния".

У меня и моей жены оставалась мысль о том, что действия ряда оперативных служб не должны оставаться без последствий. Мы понимали, что никого не накажут, в этом никто не станет разбираться, но мы хотели, чтобы с ними провели какую-то беседу и, возможно, в дальнейшем они не пойдут в отношении других лиц на подобные действия.

Может быть мы и были немного наивные, но хотели какой-то реакции. Поэтому я и обратился к Прокурору области с жалобой на действия оперативных служб, где приводил факты этой деятельности, установленные в процессе рассмотрения моего дела.

На прием у прокурора области я не рассчитывал, но был принят именно прокурором. Прокурора Лумпова я знал, когда он еще был начинающим прокурором. Запомнился он, как добросовестный, старательный тогда еще помощник прокурора, но имевший мало опыта. Позднее я слышал, что его взяли на работу в обком партии, а еще позднее он стал прокурором области. Встречен я был прекрасно. В беседе я объяснил свою позицию, причем я не просил о наказании кого-то. Мне было достаточно, чтобы была проведена проверка.

И тут Лумпов протянул мне бумагу и попросил с ней ознакомиться. Это оказалась очередная жалоба Постаногова, где он писал, что я противник Советской власти и приводил факт разговора с каким-то инженером в его присутствии, где я допускал, по его мнению, антисоветские высказывания. Из текста было ясно, что Постаногов общался с кем-то, кто знал о моих поездках к

"политическим", но о которых он сам знать ничего не мог. Тем более, что кроме периода его защиты, я с ним никогда не общался. С жалобами от Постаногова я уже сталкивался в процессе рассмотрения моего дела. Так, Постаногов писал жалобу на Кирова, который будто бы оказывает на него давление, заставляя отказаться от показаний. И это на человека, который так много для него сделал и до защиты и после. И никакого "давления" на Постаногова Киров никогда не оказывал. Но зато жалоба Постаногова позволила прокурору города просить об ускорении проводимой отделом юстиции проверки.

Писал жалобу Постаногов на меня, указывая, что я защищал К., привлекаемого к ответственности за убийство, и он, Постаногов, боится нападения на него, тем более, что в двери его квартиры кто-то уже "ломился".

Неизвестным оставалось только одно - откуда Постаногов знал, кого я защищал. Опять кому-то была нужна эта жалоба. Я сообщил Лумпову, что кляузы Постаногова я уже читал. Лумпов мне предложил, что он не реагирует на жалобу Постаногова, а я забираю мою жалобу. Явно было, что ему не хотелось заниматься этими жалобами. Но я настаивал на своем. Тогда Лумпов заявил, что ответ я получу своевременно. На том и расстались. Вскоре я получил ответ в одну строчку, что оснований для проведения проверки не усматривается.

На этом закончились все попытки расправиться со мной. Когда наступили иные времена, у меня было желание попросить ознакомить меня с моим досье, которое безусловно в КГБ велось. Имелось желание побеседовать с кем-то из оперативников, кто занимался оперативной работой по моему делу. Но, то было некогда, то не было уже желания заниматься всем этим. А затем это уже не имело никакого смысла.

Будучи вновь избранным в Председатели ревизионной комиссии коллегии я иногда по работе сталкивался с Глебовым, но общение было только по делам коллегии. Через несколько лет у меня все же состоялся разговор с Глебовым и Марьиным о моем деле. В коллегии проходило какое-то мероприятие. И с этими двумя мы оказались

рядом в фойе. Глебов вдруг сказал, что он сразу сомневался в правдивости Постаноговых. Это сомнение, по его словам, появилось от того, что шел разговор о передаче всего 100 руб. Как он сказал: "ты же адвокат не такого уровня". На это я ответил, что сомнения не помешали Глебову сделать иные выводы. На это он ответил, привожу почти дословно: "Ну, ты же понимаешь, что в той ситуации я не мог поступить иначе". На это уже не имело смысла что-то отвечать. Но тут я обратился к Марьину и сказал, что понятно, почему так поступил Глебов, но почему так поступил Марьин?. Я ответа не ожидал, но вдруг Марьина просто "прорвало". Он со злостью в голосе заявил, что мы с женой ведем себя с большим самомнением, живем слишком хорошо, у нас есть "Волга", ездили отдыхать в Болгарию, говорил еще что-то, но что сейчас уже не помню. Все стало ясным. Всему причина обыкновенная зависть. Правда, ни я, ни жена не понимали эту зависть. Положение Марьина как адвоката, его материальное положение были ничуть не хуже нашего. Но он почемуто завидовал.

На этом закончилась эпопея борьбы за восстановление моего честного имени.

ФИНАЛ

Да! Эпопея закончилась. Но хотелось бы из этого сделать необходимые выводы и определиться почему почти через 25 лет после описанных событий появилась необходимость их изложить?

Обратимся к фактам. Ведь события, аналогичные описанным, происходят и по настоящее время.

В 90-е годы, когда произошли события в Чечне, гражданин Кузнецов, тогдашний руководитель отделения народно-трудового союза (я уже о нем писал в этой книге) выступил (и неоднократно) с заявлениями в поддержку свободы Чечне, предоставлении ей независимости. Мнение явно более чем спорное, у нас с ним было много споров, поскольку видение этого процесса у нас было абсолютно разное.

Но не вызывает сомнения, что эти его высказывания, публикации никак не могут быть основанием к расправе с ним. Вроде бы нет СССР, вроде бы существует демократия. Но его арестовывают за хищение в особо крупном размере, потом добавляют мошенничество и он целый год сидит в тюрьме. При этом никто не ищет истину, все мои ходатайства и жалобы остаются без внимания. Следователь просто не хочет искать истину, хотя она неглубоко зарыта. Нередко бывает, чтобы раскрыть убийство или другое подобное преступление, не допустить "висяк" (не раскрыть очевидное преступление) оперативники, следователи идут на всякие методы. Но в случае с Кузнецовым такого нет. Проведите обычную объективную проверку и не будет даже оснований возбуждать дело. А по делу Кузнецова получилось так, как бывает, когда железную дверь пытаются пробить кулаком. Руке больно, а дверь цела. Даже с оказанием медицинской помощи возникли проблемы, хотя Кузнецов очень больной человек. В суде дело не прошло, все необходимые доказательства были представлены и обойти их было невозможно.

Прокуратура сама запросила дело обратно и следственное управление областного УВД дело прекратило. Я связываю привлечение Кузнецова к уголовной ответственности и его взгляды на чеченские события, потому что в ином случае, при отсутствии этой связи такой железобетонной позиции следствия и прокуратуры на всем этапе расследования не могло быть. Других оснований так вести дело не было.

Кроме того, у меня была, конечно, и информация на эту тему, но она слишком конфиденциальная. Вот и получилось, что честного человека целый год промучили за его убеждения, при этом прикрывали все это привлечением к уголовной ответственности, как обычного уголовника.

Трудно кулаком проломить железную дверь. Правда, на практике это случалось. В Соликамске один из сидевших дверь не проломил, но голыми руками скрутил металлический лист, которым была обита дверь его камеры. Просто силы у этого человека было слишком много. Самое интересное было в том, что человек, обладающий от

природы неимоверной силой, внешне выглядел, как обычный человек, без больших габаритов, заметной мускулатуры. Внешне - самый средний человек. Все его беды были от того, что он не мог уживаться с людьми. Как он мне говорил: "Мне бы автомат в руки и на врага. Но чтобы рядом никого не было. Все - я Герой Советского Союза. Или мне в руки бензопилу и валить лес. Но чтобы никого рядом. Все - я Герой Социалистического труда".

Но кругом были люди и он получал срок за сроком.

Я привел этот пример, чтобы обратить внимание на то, что при наличии силы и железную дверь можно преодолеть. Причем я имею в виду не только физическую силу, а силу духа, силу честности и справедливости.

Наступило наше время. Но что изменилось? Появились в массовом количестве "заказные дела". Все знают, что они есть. Об этом факторе говорят, пишут, показывают по телевидению. Правда, изменения идут очень медленно.

Я не привожу примеры, поскольку эти события последних лет и называть людей и события нежелательно. Но работа по таким делам остается та же - также приходится стучать в железную дверь и добиваться нужного результата от своей работы, только если следствие не смогло добиться нужного ей результата и его получение бесперспективно. Или в суде вынесен оправдательный приговор. Последнее, как и раньше, явление весьма редкое, но случается.

Когда ведутся дела подобные моему, Кузнецова, современные "заказные" дела, стараются находить (и часто находят) людей, которые из собственной выгоды готовы "съесть ближнего", соврать, оболгать человека. При этом у каждого, даже если его ложь установлена, есть объективные причины для оправдания своего поведения - "в этой ситуации я не мог поступить иначе, мне бы не предоставили что-то, не поставили бы на должность и т.д.".

И самое страшное, по-моему, следующее: в современном бизнесе, политике понятие "съесть ближнего", если это выгодно, становится обычным, рядовым и считается необходимым. В этом не видят ничего плохого, считают, что именно так и нужно поступать. И как-то

забывается, что и в бизнесе и в политике должно отсутствовать понятие "любой ценой", что существует такое понятие, как законность, законные методы и нельзя даже справедливости добиваться, нарушая закон.

Постаногов хотел уйти с тяжелой работы, освободиться досрочно, восстановиться в институте. И, когда для этого пришлось оболгать человека ему ранее помогавшего, он это сделал, поскольку по его понятиям у него не было другого вывода.

Глебов, человек с безупречной репутацией, когда ради своих целей потребовалось очернить честного человека, тоже сделал это, опять же по принципу невозможности поступить иначе в конкретной ситуации.

Марьин - тоже безупречная репутация, но просто из зависти старался навредить человеку, который заведомо для него был прав. Ну, а те, кто находил и использовал таких как Постаногов, Глебов, Марьин и других - они ведь выполняли то, что от них требовали.

Очень умный человек Степанков - тогда прокурор города. Его поведение против меня объясняется его известной в Перми ненавистью к адвокатам.

Судья районного суда - при имеющихся доказательствах вынести решение об отказе мне в иске - пусть читатель сам сообразит, как можно было вынести указанное решение.

Коллегия отдела юстиции - сочла мнение Глебова о признании достоверной публикации в газете "Звезда" правильной, мотивы этой необъективности остаются скрытыми.

Сопоставив все это, понятно, почему мои коллеги сочли, что я и моя жена идем против танков и без гранат. Но ведь сумели пробить всю эту силу потому, что на определенном этапе победила законность.

Но мудрый читатель вправе задать вопрос: "А при чем здесь КГБ"? Я уже приводил свои разговоры с подполковником КГБ, из которых следует причастность КГБ к моей истории. К сожалению, это общение только на словах, но для данной организации характерно не выходить вперед, они очень часто незаметны так, как и их

деятельность. Следует учесть, что в этой организации работают умные люди, а поэтому их даже незаконные действия прикрыты с большим умом.

Вспомните, как мне вдруг отказали в свидании с Бегуном. Администрации колоний я никак не мешал. Приезжают на свидание родственники осужденных, приехал адвокат - все это не мешает администрации. Но это мешает сотрудникам КГБ и администрация меня не допускает.

Вспомните мое описание проводимой работы против меня. Проверено больше сотни дел, оперативники выходят на Постаноговых и добиваются от них соответствующего заявления. Причем сразу на имя прокурора города. Затем в течение многих месяцев ездят не только за пределы города, но и за пределы области. И это при том, что нарушения, которые они ищут не являются преступлением. Во всем этом поиске участвуют и сотрудники областного УВД, оказывая давление на К.

Убежден, никогда в таком масштабе оперативная работа не могла проводиться, ведь у оперативных сотрудников масса своей непосредственной работы. Только под соответствующим давлением могла проводиться работа против меня, а оказывать такое давление могли только сотрудники КГБ, только у них была заинтересованность отучить меня и, возможно, других не мешать их (сотрудников КГБ) деятельности. В любом случае, подполковник КГБ это от меня не скрывал.

В моем конкретном случае моя борьба с КГБ закончилась для меня положительно.

Но не совсем проиграли и они. Более 10 месяцев я не мог работать адвокатом и все наглядно увидели, что с КГБ лучше не связываться. Сразу отмечу: случись и тогда или сейчас что-то подобное - я, не задумываясь, пойду тем же путем и буду в полном объеме выполнять свои обязанности адвоката, независимо от того, нравится это кому-то или нет.

Для чего написана эта книга? Потому, что я хочу, чтобы люди совершали честные, законные поступки и не стремились незаконным путем добиться своей цели.

Я часто применяю слово Закон, потому что рядом с ним соседствуют и честность и справедливость. Необходимо отделить высокой стеной от людей беззаконие, стремление добиваться своего любым путем, любыми методами.

Пусть эта книга станет одним из камней этой стены и ее содержание поможет читателям убедиться в возможности добиваться законных целей законными методами, исключить из взаимоотношений между людьми стремление "съесть ближнего".

С огромным уважением, адвокат Чарный И.Б.

Редактору газеты "Звезда" т.Вахлакову Ю.Н. копия В управление КГБ СССР по Пермской области

Считаю своим долгом обратить внимание органа Обкома КПСС газеты "Звезда" на крайне неблаговидное поведение, с точки зрения адвокатской этики, поведение адвоката Ленинской юридической консультации Чарного Иосифа Борисовича.

Как Чарный появился в адвокатуре? Его приняли в коллегию адвокатов в 1969г., хотя он не имел практического стажа работы в суде, прокуратуре и на следствии. Ныне покойный председатель ПОК адвокатов Ю.Н.Сидоров возражал против приема Чарного в адвокатуру, однако, имевшая в то время большой вес группировка в составе Теслера, Шустера, Тикоцкой, Ядых все-таки протащила Чарного в адвокатуру.

Вначале он работал в Елово, Кизеле и, наконец, был переведен этой группировкой в Пермь, под предлогом, что в Ленинскую консультацию нужен молодой адвокат для командировок. С первых дней работы в адвокатуре Чарный проявил себя, как не лишенный способностей, но крайне корыстолюбивый человек. Он был равнодушен к судьбам людей, защита интересов которых ему поручена, но проявил большую активность, когда дело пахло крупным гонораром или получением денег от клиента без оформления соответствующими документами, что в юридическом мире называется "микстой". А деньги Чарному были очень нужны. Живя в Елово и Кизеле Чарный пьянствовал, сожительствовал с женщинами, бросил, уже проживая в Перми, жену.

Чарный живет явно не по средствам, имея дачу, автомашину "Волга", гараж, обедает исключительно в ресторане, хотя официальный заработок не велик - 300руб., как у всех адвокатов. Примеров завышения им гонорара можно привести сколько угодно, взять хотя бы дело гр.Зубаревой М.А., осужденной в 1985г., с которой он получил за защиту на предварительном следствии (дело было прекращено по амнистии - 250руб., а сам ее не защищал даже в суде). Немалые деньги он получил с работницы галантерейной фабрики

Чугаевой Н.С., осужденной в 1985г. по ст.92ч.2,96ч.3 УК РСФСР. И таких примеров можно найти очень много, достаточно проверить законность взимания гонорара Чарным со своих клиентов, но кто будет проверять? Сам же Чарный, поскольку, ему удалось пробраться на пост председателя ревизионной комиссии коллегии и на пост заместителя заведующего крупнейшей ЮК - Ленинской!

Куда смотрела прокуратура? Облисполком? Где были, наконец, органы госбезопасности, в чье поле зрения давным-давно пора попасть Чарному, у которого завелась довольно необычная клиентура. К Чарному стали обращаться родственники осужденных судом крупных государственных преступников. Для чего он к ним ездит в места лишения свободы? Люди эти осуждены, а Чарный продолжает посещать их, хотя ни на предварительном следствии, ни в суде не осуществлял их защиту. Что он от этого имеет?

Как может процветать в советской адвокатуре подобный человек, совместимы ли его связи и контакты с государственными преступниками и их родственниками с его пребыванием в рядах КПСС?

В свое время газета "Звезда" разоблачила двурушника, перерожденца Грозного, который до выступления газеты считался неуязвимым, и не пора ли "Звезде" заняться дельцом от адвокатуры Чарным, в котором уже ничего нет партийного и ему подобным.

Я мог бы подписаться под своим письмом, если бы был уверен, что Чарный не выйдет сухим из воды, в противном случае, он не даст мне, простому человеку, жить спокойно.

РЕШЕНИЕ

Дело № 3-25 1987г.

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической республики Пермский областной сул составе председательствующего члена суда Нижегородова В.И. и народных заседателей Изюровой И.В., Потаповой А.Г. при участии прокурора Бобровского А.К. при секретаре Микериной Е.Н. рассмотрел в судебном открытом заседании В городе Перми 9 июля 1987г. дело по иску Чарного И.Б. к редакции газеты "Звезда" защите чести И достоинства, установил:

В номере 270(20566) от 23 ноября 1986г. газеты "Звезда" - органе Пермского областного комитета КПСС и Пермского областного Совета народных депутатов - была опубликована статья (фельетон) корреспондентов газеты Куличкина А.П. Садриева И.Ф. под названием "Берут-потому что дают", где, в частности, указывалось, что адвокат Чарный И.Б. получил от супругов "П" за защиту в суде по уголовному делу сверх установленной оплаты 100руб.

Отрицая изложенные в статье сведения относительно получения денег сверх гонорара, Чарный И.Б., работавший до 1 января 1987 г. адвокатом Ленинской юридической консультации г.Перми, обратился в суд с иском к редакции газеты "Звезда" и авторам фельетона Куличкину А.П. и Садриеву И.Ф. об опровержении этих сведений, позорящих его честь и достоинство, как не соответствующих действительности.

Представитель редакции газеты "Звезда" Деринг Г.Е., ответчики Садриев И.Ф. иск не признали, указав, что авторы все необходимые сведения для фельетона, касающиеся Чарного И.Б., получили в ноябре 1986г. в прокуратуре города Перми, где Куличкин ознакомился с имеющимися там объяснениями супругов Постаноговых от 10.04.1986г. и 31.10.1986года, кроме того,

корреспонденты лично беседовали с этими гражданами, обозначенными в фельетоне инициалом "П".

Ответчик Куличкин А.П. в суд не явился, хотя и был надлежащим образом извещен о месте времени рассмотрения дела, на прошлом судебном заседании иск также не признал (л.д.35-37).

Суд, выслушав объяснения сторон, показаний свидетелей, исследовав материалы дела и иные документы, заслушав заключение прокурора Бобровского А.К. об отказе в удовлетворении иска Чарного И.Б., приходит к следующему:

В силу ст.7 ГК РСФСР гражданин или организация вправе требовать по суду опровержение порочащих их честь и достоинство сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности.

Если порочащие честь и достоинство гражданина или организации сведения распространены в печати, они, в случае несоответствия их действительности, должны быть опровергнуты также в печати.

Чарный И.Б. доказал факт распространения о нем позорящих его честь и достоинство сведений, предъявив в суд вырезку из газеты "Звезда" от 23.11.86г. с фельетоном "Берут - потому что дают" (л.д.4). Содержащиеся в нем данные об истце объективно умаляют его честь и достоинство в общественном мнении и мнении отдельных граждан с точки зрения соблюдения правил социалистического общежития и законов, направленных на искоренении нетрудовых доходов.

В свою очередь ответчики не справились с возложенной на них законом обязанностью доказать, что распространенные ими в фельетоне сведения касающиеся Чарного И.Б., соответствуют действительности.

Как явствует из объяснения ответчиков, авторы фельетона до его публикации не располагали полной и объективной информацией относительно Чарного И.Б., доверились объяснениям супругов Постаноговых В.А. и Н.В., не учли ,что какой-либо проверки органами внутренних дел и прокуратурой города по изложенным ими фактам произведено не было, сам Чарный не опрашивался.

Между тем объяснения Постаноговых, как источники доказательств о нарушении Чарным финансовой дисциплины, нуждались в тщательной проверке по следующим причинам:

а) Постаногов В.А. и его жена Постаногова Н.В. в феврале-марте 1985г. совершили серию преступных действий по скупке и перепродаже дефицитной обуви населению, квалифицированной органами расследования по ч.2ст.154 УК РСФСР, как неоднократное совершение спекуляции и извлечение наживы в крупных размерах. Товары продавались ими вчетверо выше государственных цен, знакомым. Преступление совершалось всей семьей, в спекуляцию Постаноговым был вовлечен несовершеннолетний брат.

За совершение спекуляции и вовлечение несовершеннолетного в преступную деятельность Постаногов 27.06.85г. был осужден народным судом к 3 годам лишения свободы условно с привлечением к труду в местах, определяемых органами внутренних дел.

Его жена была освобождена от уголовной ответственности в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26.04.85г. об амнистии (см.уголовное дело №1-403,л.д.93-94,143-144). Оба по месту работы и учебы характеризовались посредственно, ранее Постаногов был уличен в краже государственного имущества, попытке скрыть прогул на работе (уголовное дело №1-403,л.д.69-71,126).

- б) Для отбывания наказания Постаногов был оставлен в г.Перми по просьбе дальнего родственника Кирова, ранее работавшего в органах МВД, хотя в соответствии со ст.78-1 ИТК РСФСР такой льготой пользуются лишь лица, осужденные к лишению свободы условно на срок до 1 года. С 3.03.86г. ему было разрешено проживание на квартире с семьей. В начале апреля 1986г. решался также вопрос о восстановлении Постаногова в институте, откуда он был отчислен ранее в связи с совершением преступления.
- в) Сообщение Постаноговых о даче Чарному 100руб. произошло в Ленинском ОВД г.Перми 10.04.86г. при вызове их в милицию, то есть в условиях, когда Постаногов контролировался органами внутренних дел и не желал вызвать недовольство этих органов.

г) Показания против Чарного супруги дали после того, как им было разъяснено примечание к ст.174 УК РСФСР, предусматривающего возможность освобождения от дачи взятки в случае добровольного заявления о случившемся, хотя Постаноговы не могли быть субъектом этого преступления (ст.173 УК РСФСР), предусматривающего ответственность за получение взятки.

Суд полагает, что совокупность этих доказательств и факторов могла повлечь оговор Постаноговыми Чарного. Это безусловно осознавалось органом дознания, так как заявления супругов находились без движения и проверки в милиции с 10.04.86г. до октября 1986г., когда поступили в прокуратуру города. Там также фактически проверка не велась, не считая повторного опроса Постаноговых, а также отобрании объяснения у Кирова (см.стр.7-19 материалов служебной проверки в отделе юстиции).

Следует также отметить, что повторный опрос Постаноговых в прокуратуре города 31.10.86г. лишь усугубил сомнения в достоверности сообщенных ими сведений, поскольку во второй раз Постаноговы дали объяснения, существенно отличающиеся от первых.

Показания, данные ими в ходе судебных разбирательств, представляют третий вариант их версии о даче денег Чарному, также содержащий отличия от двух первоначальных объяснений.

Суть показаний Постаноговых сводится к тому, что за осуществление защиты Постаногова в суде каждый из них передал Чарному по 50руб.: Постаногова - за день до суда в квартире истца; Постаногов - на следующий день после вынесения приговора в юридической консультации Ленинского района г.Перми.

Вместе с тем, при критическом исследовании их объяснений вследствие внутренних противоречий теряют доказательственную ценность, поскольку эти противоречия нельзя объяснить просто забывчивостью.

Так 10.04.86г. Постаногов в заявлении, написанным собственноручно, утверждал, что у Чарного на квартире был дважды и в разные дни. Оба раза беседовал с ним. Он же 31.10.86г.пояснил,

что был у истца только один раз. В дальнейшем, уже после газетной публикации стал утверждать, что на квартиру к Чарному приходил до суда дважды в один день, причем в первый раз не застал его дома, двери открыла пожилая женщина.

Объяснения Постаноговой также противоречивы (см. стр.7-8 и 15-16 материалов проверки в отделе юстиции, объяснения в суде).

Суд отмечает также и то обстоятельство, что каждый из супругов передавал, по их словам, деньги Чарному порознь. Поэтому не исключена и возможность того, что при наличии предварительной договоренности о передаче денег адвокату, ни один из них этого не сделал.

После получения в прокуратуре объяснений от Постаноговых и Кирова никаких проверочных действий больше не производилось, 19.11.86г. после ознакомления корреспондента с их объяснениями, весь материал был направлен в отдел юстиции.

Следовательно, в прокуратуре города какого-либо официального заключения сделано не было (стр.1, того же материала).

Служебное расследование, проведенное в отделе юстиции до 12.12.86г., основывалось на все тех же противоречивых объяснениях Постаногоавых, которые в заключении по результатам проверки признаны "последовательными и убедительными". Неверно в этом заключении и то, что Постаноговы детально обрисовали обстановку квартиры Чарного, так как Постаногов вообще не смог ничего припомнить, его жена назвала лишь общие, присущие многим квартирам детали, по которым квартиру Чарного идентифицировать невозможно. На схеме (стр.23-24 того же материала проверки) комнаты, составленной Постаноговой отсутствует одно из окон, сервант - наиболее значительная часть интерьера. Излишне преувеличены и характеристики личностей Постаноговых до совершения ими преступлений, помощь в расследовании уголовного дела, материальные обстоятельства, предшествующие совершению преступлений, вследствие чего произошло излишнее доверие к показаниям супругов без их проверки и критической оценки.

В тоже время в заключении признаны недостоверными объяснения Чарного, поставленном перед фактом заявлений Постаноговых лишь после публикации фактов т.к. почти через 1,5 года после осуществления защиты Постаногова. Попытка Чарного объяснить сговор супругов, высказанные им предположения о причинах этого явления, поиски и находки конкретных доказательств в этой связи психологически объяснимы и не могут свидетельствовать о наличии его вины.

Сообщение истца о том, что летом 1985г. в его отсутствие на квартиру приходили мужчина и женщина, вписывается в объяснение Постаногова и Кирова о том, что в июне 1985г. Постаногов звонил Кирову, узнавая адрес Чарного, хотя в этот день, по его словам, он уже получил адрес от самого адвоката, до звонка к Кирову.

Суд также отмечает, что в отношении Чарного еще начиная с апреля 1986года органами милиции велась определенная проверка, о чем свидетельствует вызов Постаноговых 10.04.86г., беседа с Кузнецовым в декабре 1986г. - уже после публикации в газете фельетона, о чем подтвердили свидетели Кузнецов и Стефанцев − работник следственного изолятора №1. Сообщение о проверке подтвердили свидетели Зубарева М.А. и Фадеева Л.С., то же явствует и из протокола заседания президиума Пермской областной коллегии адвокатов от 23.12.86г. (стр.5).

В то же время не было сделано ни малейшей попытки проверить истинность объяснений Постаноговых по факту передачи 100руб. Чарному в конкретно указанные им дни.

Такая проверка была осуществлена лишь в ходе судебного разбирательства, исходя из категорического утверждения Постаногова о том, что первым днем его встречи с Чарным в связи с защитой по уголовному делу является день заключения соглашения с заведующим Ленинской юрконсультацией, когда он внес в кассу установленную оплату - 30 руб. Тогда же в консультации впервые говорил с Чарным, который предложил ему придти туда же на следующий день. Как достоверно установлено в суде, дата этого дня - 25.06.85г. (л.д.22 - регистрационная карточка №1321 от 25.06.85г. с

личной подписью Постаногова, корешек ордера №12932 от 25.06.85г., выданного Чарному на участие по делу Постаногова, дубликат Постаногова, дубликат квитанции №13178 от 25.06.85г. с личной подписью Постаногова об уплате 30 руб., приложенный к финансовому отчету Чарного за июнь 1985года).

Постаногов также пояснил в суде, что на следующий день, т.е.26.06.85г. он пришел в консультацию к началу ее открытия, точнее - сразу как открылась. Расписание работы юридической консультации посмотрел 25.06.85г., раньше времени начала работы, указанном в графике не приходил. Там он обратился к Чарному, тот сказал, что с делом ознакомиться не успел, пригласил его вечером к себе домой, дав адрес.

По сообщению из Ленинской юридической консультации, это учреждение согласно графику работы 26.06.85г. с 9 час. утра (л.д.20).

Возражая против этого утверждения Чарный, указал, что ни приглашать Постаногова на 26.06.85г. в консультацию, ни беседовать с ним там в то утро он не мог, поскольку 26.06.85г.на автобусе Пермь-Кунгур выехал в 9 час. утра в Кунгурский городской суд для проведения гражданского дела Збанацкой. Обратно уехал оттуда в 17 час.20мин., также на автобусе. По приезду в Пермь, не заходя домой, с автобуса поехал на садовый участок, где пробыл допоздна, занимался с женой и Арзыевым укладкой водопроводных труб.

Его объяснения объективно подтверждаются авансовым отчетом и командировочным удостоверением, билетами, хранящимися в бухгалтерии президиума Пермской областной коллегии адвокатов (л.д.19), производством по делу Збанацкой, истребованным из архива юридической консультации, регистрационной карточной и личным графиком работы Чарного (л.д.26).

Таким образом, показания Постаногова о встрече с истцом на следующий день утром в юридической консультации нельзя считать достоверными и с этой точки зрения. Не мог соответственно Чарный ознакомиться в этот день 26.06.85г. с уголовным делом и приглашать для беседы по результатам изучения дела вечером к себе домой.

Свидетели Арзыев и Александрова-жена истца, по ряду косвенных обстоятельств подтвердили, что вечером 26.06.85г. Чарный вечером дома не находился, работал с ними на садовом участке.

Исходя из изложенного, не могут быть также признаны достоверными показания Постаноговых о передаче денег Чарному и 28.06.85г., т.е. на следующий день после вынесения приговора. Опровергает утверждение Постаногова о передаче им 50 рублей в юрконсультации также и то обстоятельство, что адвокатом не внесена в регистрационную карточку отметка о желании или нежелании подзащитного обжаловать приговор суда (л.д.22об.), обязательной для внесения согласно п.2л Методических рекомендаций, разработанных президиумом Пермской областной коллегии адвокатов в 1984г.

В то же время, Постаногов не был вполне доволен назначенной ему мерой наказания, советовался с Кировым по вопросу обжалования приговора, искал пути для смягчения режима условной меры наказания, добился этого, оставшись отбывать наказание в г.Перми. Поэтому его же доводы об удовлетворении защитой на суде, осуществленной Чарным, в полной мере объективной действительности не соответствует.

Суд не может признать доказательством вины истца его отказ от привлечения Постаноговых к уголовной ответственности за клевету (см.уголовное дело №1-964), поскольку выбор оптимального способа защиты от бесчестия принадлежит гражданину, в отношении которого распространены порочащие честь и достоинство сведений.

В итоге суд приходит к твердому убеждению в том, что требования Чарного И.Б. о защите чести и достоинства подлежат защите, так как опубликованные в фельетоне "Берут - потому что дают" сведения о получении им от Постаногова 100руб. сверх установленной законом оплаты не соответствуют действительности.

Руководствуясь ст.ст. 193,197 ГПК РСФСР, суд решил:

Обязать редакцию газеты "Звезда" опубликовать опровержение порочащих честь и достоинство Чарного Иосифа Борисовича сведений, изложенных в статье корреспондентов А.Куличкина и И.Садриева "Берут - потому что дают", помещенной в номере 270(20566) газеты "Звезда" от 23 ноября 1986года.

Срок для опубликования опровержения в газете "Звезда" установить в 30 дней со дня получения редакцией этой газеты извещения областного суда о вступлении решения в законную силу.

Решение в 10 суток может быть обжаловано и опротестовано в Верховный Суд РСФСР.

Председательствующий подпись

народные заседатели: 1) подпись

2) подпись

Дело № 44-Т87-16

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РСФСР в составе председательствующего Елнина И.И., членов Глянцева В.В. и Жукова В.Н. рассмотрела в судебном заседании от 28 сентября 1987 г. дело по иску Чарного Иосифа Борисовича к редакции газеты "Звезда" о защите чести и достоинства кассационному протесту ПО прокурора Орджоникидзевского района г. Перми и кассационной жалобе редакции газеты "Звезда" на решение Пермского областного суда от 9 июля 1987г. Заслушав доклад члена суда Елнина И.И., объяснения Чарного И.Б., заключение прокурора Корягиной Л.Л., полагавшей решение отменить, судебная коллегия Верховного Суда РСФСР

Установила:

В номере 270(20566) от 23 ноября 1986г. газеты "Звезда", органе Пермского областного комитета КПСС и Пермского областного Совета народных депутатов, была опубликована статья (фельетон) корреспондентов Куличкина А.П. и Садриева И.Ф. под названием "Берут - потому что дают", где указано, что адвокат Чарный И.Б. получил от супругов "П" за защиту в суде по уголовному делу сверх установленной таксы 100 руб.

Считая данную публикацию необоснованной, Чарный обратился в суд с иском к редакции газеты "Звезда" и авторам фельетона о защите чести и достоинства, требуя опровержения опубликованных сведений, как несоответствующих действительности.

Решением Пермского областного суда от 9 июля 1987г. иск удовлетворен.

В кассационном протесте ставится вопрос об отмене решения, считая неверной оценку показаний свидетелей Постаноговых, как необоснованных.

Аналогичная просьба содержится и в кассационной жалобе редакции. По мнению редакции, суд неверно оценил материалы дела и что имелись достаточные основания для публикации заметки в отношении Чарного.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационного протеста прокурора и жалобы, судебная коллегия находит решение правильным.

Согласно разъяснению, содержащемуся в п.4 постановления Пленума Верховного Суда СССР "О применении в судебной практике ст.7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик о защите чести и достоинства граждан и организаций", в силу ст.7 ГК РСФСР обязанность доказывания соответствия действительности распространенным порочащим истца сведений возлагается на ответчика.

Возражая против иска, редакция указала, что, ознакомившись с заявлениями и объяснениями супругов Постаноговых, побеседовав с ними, она пришла к выводу, что этих данных было достаточно для публикации в газете. По мнению ответчика, имеющиеся в объяснениях Постаноговых противоречия не имеют значения, у них не было оснований для оговора Чарного, их показания подтверждаются показаниями Диковой и Кирова.

Однако суд пришел к правильному выводу о том, что корреспонденты газеты доверились объяснениям Постаноговых, не сочтя нужным побеседовать с Чарным, провести самостоятельную проверку их обоснованности или получить результаты таковой от компетентных органов.

Между тем, основания для такой проверки вызывалась необходимостью, учитывая, что рекомендации для публикации материала в отношении Чарного была дана прокуратурой г.Перми, подозревавшей адвоката в поборах с граждан и проводившей проверку в связи с аналогичным письмом.

Чарный утверждает, что незаконная проверка его деятельности была вызвана принципиальной позицией по защите Кузнецова, обвиняемого в совершении уголовного преступления, уголовное дело

в отношении которого было прекращено за отсутствием доказательств вины.

Свидетель Кузнецов показал, что в отношении его велось следствие с 1983 по 1986 год. Во время нахождения под стражей 12 декабря 1986г. с ним беседовал работник Управления внутренних дел области, ознакомил с публикацией в газете "Звезда" и склонял к даче показаний о том, что он якобы давал Чарному деньги сверх гонорара, обещая оказать влияние на благоприятный исход уголовного дела (л.д.236-238).

Свидетель Стефанцев С.В. подтвердил, что указанный разговор между работником управления и Кузнецовым имел место (л.д.79-80).

Из показаний свидетеля Кирова следует, что в мае 1986г. работники милиции опрашивали осужденного Чекменева о том, давал ли он деньги Чарному сверх гонорара, уплачиваемого в кассу юрконсультации (л.д.261).

Свидетель Фадеева Л.С. показала, что со слов ее знакомой Чугаевой известно о том, что к ней по месту отбывания наказания приезжали из г.Перми работники милиции и спрашивали, какую сумму взятки она дала адвокату Чарному (л.д.241-242).

Свидетель Зубарева М.А. пояснила, что в начале 1986г. ее вызывал следователь прокуратуры г.Перми Энгельман и спрашивал, платила ли она Чарному за защиту ее по уголовному делу деньги сверх установленного размера (л.д.241).

Во всех указанных случаях свидетели не сообщали органам милиции и прокуратуры интересующих их сведений, но сделали это супруги Постаноговы при обстоятельствах, которые судом обоснованно подвергнуты проверке и оценке.

По приговору Ленинского районного народного суда г.Перми от 27 июня 1985г. Постаногов В.А.,1960 года рождения был осужден за спекуляцию в крупном размере и за вовлечение в преступную деятельность своего несовершеннолетнего брата. К уголовной ответственности привлекалась также его жена Постаногова Н.В., дело в отношении которой прекращено по амнистии.

Постаногов осужден к лишению свободы условно с обязательным привлечением к труду в местах, определяемых органами, ведающими исполнением приговора.

В нарушение действующих правил Постаногов был оставлен для отбывания наказания в г.Перми и ему разрешено проживание дома.

10 апреля 1986г. последовал вызов Постаноговых к начальнику Ленинского районного отдела внутренних дел, где перед ними был поставлен вопрос о том, давали ли они взятку во время следствия и суда должностным лицам и разъяснена ответственность за это деяние.

11 апреля 1986г. последовало ходатайство цехового комитета профсоюза Лядовского экспериментального завода стеновых материалов о восстановлении Постаногова в качестве студента 3 курса автодорожного факультета Пермского политехнического института. Такое же ходатайство заявлено и спецкомендатурой при отделе внутренних дел Свердловского райисполкома г.Перми (л.д.213-217).

Свидетель Симулин П.П., проректор института показал, что в августе 1986г. к нему обратился работник органов внутренних дел с просьбой восстановить Постаногова в институте и заверил, что он будет освобожден от отбывания наказания (л.д.262).

Затем, без его ведома, Постаногов был восстановлен на строительный факультет.

19 марта 1987г. Постаногов освобожден от отбывания наказания условно-досрочно.

При таких обстоятельствах вывод суда о зависимом положении Постаноговых от органов внутренних дел в 1986-1987г. не лишен оснований. Кроме того, суд установил, что объяснения и показания в суде Постаноговых об обстоятельствах передачи денег Чарному противоречивы.

10 апреля 1986г. в отделе милиции Постаногов собственноручно написал, что за 2 дня до суда был дома у Чарного, приходил на следующий день с женой.

31 октября 1986г.в объяснениях на имя прокурора г.Перми указал, что был один раз дома у Чарного с женой. В судебном

заседании пояснил, что в один и тот же день приходил один и с женой (л.д.37-38).

Постаноговы давали различные объяснения об обстановке в квартире Чарного. Установлено, что Постаногов заключил соглашение с адвокатом Чарным на участие в деле 25 июня 1985г. Тогда же внес в кассу Ленинской юрконсультации 30 руб.

Суд признал неправильным объяснение Постаногова о том, что на следующий день утром он вновь посетил юрконсультацию и передал Чарному 50 руб., так как из документов видно, что в 9 часов утра 26 июня 1985г. Чарный выехал в командировку на автобусе Пермь-Кунгур.

В протесте прокурора по существу не приведены убедительные доводы, опровергающие выводы суда. Не являются доказательствами показания свидетелей Кирова и Диковой, подтверждающими факт передачи денег Постаноговыми Чарному, поскольку им неизвестно, имело ли место в действительности это событие.

На заседании президиум Пермской областной коллегии адвокатов 23 декабря 1986г. не было принято решения, подтверждающего факт получения Чарным 100руб. от Постаноговых в связи с неубедительностью их объяснений и материалов служебной проверки.

В соответствии со ст.56 ГПК РСФСР суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении в судебном заседании всех обстоятельств дела в их совокупности.

Оценивая показания свидетелей Постаноговых, утверждавших, что каждый из них уплатил адвокату Чарному по 50 руб. сверх гонорара за ведение уголовного дела, суд пришел к обоснованному выводу, что они не могут быть приняты за достоверное доказательство соответствия действительности сведений, опубликованных газетой "Звезда", порочащих честь и достоинство Чарного.

Поскольку ответчики, распространившие такие сведения, не представили объективных доказательств того, что они соответствуют

действительности, доводы кассационной жалобы и протеста не могут быть признаны обоснованными.

Руководствуясь ст.305 ГПК РСФСР, судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РСФСР

Определила:

Решение Пермского областного суда от 9 июля 1987г. оставить без изменения, а кассационную жалобу редакции газеты "Звезда" и кассационный протест прокурора без удовлетворения.

Председательствующий

подпись

Члены суда:

подписи